

Евгений Добренко

ИСКУССТВО СОЦИАЛЬНОЙ НАВИГАЦИИ (Очерки культурной топографии сталинской эпохи)

Томасу Лахусену

Настоящие очерки посвящены пространственному измерению сталинской культуры и прежде всего – проблеме презентации пространства в ней. Образ пространства относится к числу наиболее стабильных и базовых, поэтому наибольшей концентрации он достигает в культурной продукции, рассчитанной на автоматизм восприятия. Мы намеренно отобрали „топографические образы“, находящиеся на культурной периферии и потому как бы незамечаемые в культурной истории, – почтовые марки, туристический журнал, научно-популярная география. В той мере, в какой эти объекты не только отразили „привычки сознания“, но и формировали „структуры повседневности“, они могут быть признаны культурно значимыми. Не в большей, конечно, степени, чем самое сталинское искусство, но и – не в меньшей.

Альбом с марками, или Жизнь в раме

Мама мыла раму.
Азбука.

Такие альбомы путешествуют по миру вместе с их хозяевами как вещи, которыми не пользуются, но которые нужно непременно сохранить как память о детстве. Они лежат годами нераскрытыми. И только в редкие (большей частью – случайные) моменты их пролистывают. Иногда, впрочем, эти альбомы переходят из поколения в поколение. Марки в них откладываются, подобно древесным кольцам. Так консервируется (или коллекционируется?) время. Но не только время.

И в самом деле, что возникало в нашем представлении, когда мы начинали в детстве коллекционировать марки? „Первичным было, должно быть, ощущение громадных просторов земли. За ярким рисунком на кусочке бумаги, окаймленном зубчиками, которые отличали его от всего на свете, от любого другого предмета, перед нами возникал целый мир... Мир,

который мы хотели познать, должен был быть красивым – иначе почему бы в нас возникала такая неодолимая тяга к нему, почему бы так остро ощущали мы его великую притягательную силу. Марка была сигналом из далекого пространства... Поэтому юность любила красивые марки и всегда готова была отдать более редкую и дорогую марку за более красивую по рисунку¹. Альбом с марками – это своего рода культурный хронотоп. Время здесь откладывается культурными породами пространственных образов.

Марка – удвоенный знак. Это „знак почтовой оплаты“, несущий в себе знак пространства, – знак в знаке. Марка – это презентация пространства миру и самой стране. Двойная природа этого знака интересна прежде всего тем, что марка – одновременно и знак преодоления пространства, и знак, это пространство активно формирующий. Марка – это пространственный эквивалент денег. Она дает пространству символическое измерение – конвертируемость.

Марками интересуются коллекционеры. Совсем редко – искусствоведы. И никогда – исследователи культуры. А между тем, из всех экспонируемых культурой визуальных образов марка является наиболее демократичной и доступной: почтой пользуются все – рабочие, колхозники, искусствоведы, дворники, школьники, профессора... Масштаб этого „общения с маркой“ поистине огромен: к концу интересующей нас эпохи (в 1957 году) советская почта ежегодно пересылала 4 млрд. писем и 80 млн. посылок.² Стоит учесть, что в СССР практически не существовало корреспонденции с предоплатой (без марки). Это означает, что едва ли не вся корреспонденция проходила через руки, наклеивавшие марки.

Но, конечно, только в руках коллекционера марка приобретала особую ценность и становилась (по крайней мере) предметом пристального разглядывания. В массовом обращении она относилась к тому типу визуальной пропаганды, который основан на автоматизме восприятия – для рядового гражданина она была интересна разве что своей номинальной стоимостью. Но даже и предметом пропаганды марка стала далеко не сразу. Окажется, как объяснял Замминистра связи СССР К. Сергейчук, „первые русские почтовые марки служили только знаком оплаты почтовой корреспонденции. Тематика их была бедна. Из года в год на марках печатался неизменно герб царской России. Слабы художественные достоинства большинства этих марок. Усилия художников и граверов направлялись главным образом на придание маркам качеств государственных бумаг, исключаяющих их подделку. Узкую специальную роль знака почтовой оплаты русские марки

¹ Валентин Бродский, *Искусство почтовой марки*, Художник РСФСР, М., 1967, 6-7.

² *Сто лет русской почтовой марки: 1858-1958*, Связьиздат, М., 1958, 6.

выполняли на протяжении 60 лет вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции”.³

Что же произошло после нее? Дело в том, что за 60 досоветских лет было выпущено всего 37 сюжетов почтовых марок. Причем 10 из них были различными оформлениями герба Российской империи, тогда как за 40 советских лет было выпущено 50 млрд. марок на 2150 разных сюжетов. Если количество марок – по части почтового ведомства, то вот увеличение числа сюжетов почти в сто (!) раз не может не вызвать интереса, выходящего далеко за пределы проблем „развития почтовой связи в Советской стране“. „Почтовые марки за годы Советской власти, – утверждает Замминистра, – превратились в миниатюрные произведения искусства, отражающие события нашей эпохи, и заслужили широкое признание. Помимо своего основного назначения – быть знаками почтовой оплаты, – почтовые марки СССР выполняют роль пропагандиста и агитатора“.⁴ „Произведения искусства“, выполняющие „роль пропагандиста и агитатора“, – предмет вполне советский, превращающий „знак почтовой оплаты“ в предмет культурной истории.

Согласимся со специалистом: „Искусство марки несет на себе ясную печать смены художественных стилей и изменения вкусов, следы различных художественных веяний, представляющих наиболее широко распространенные, господствующие тенденции искусства различных стран почти за полтора века“.⁵ Первые советские марки, соответственно, несли на себе все признаки революционного искусства. Сюжеты марок первого выпуска основаны на тиражировании символов победы труда над капиталом: рабочий попирающий поверженного дракона, эмблемы труда рабочего и крестьянина, красноармейцы в буденовках...

К работе над первыми советскими марками были привлечены крупнейшие художники и граверы. Так, первая советская марка, выпущенная в августе 1921 года, – „Освобожденный пролетарий“, изображавшая рабочего, победившего дракона – символ капитализма, была выполнена крупнейшим мастером классической гравюры П. Ксидиасом; марки декоративной серии гравировал выдающийся мастер русской классической гравюры А. Троицкий. Он же гравировал марки, посвященные памяти Ленина (выпуск 1925 года), серию, посвященную советскому дирижаблестроению (выпуск 1932 года). В 1922 г. скульптор Шадр, автор известной скульптуры „Булжник – оружие пролетариата“, специально для марок создал скульптурные изображения рабочего, крестьянина и красноармейца, которые были растиражированы в марках стандартных выпусков. Марки рисовали ученик

³ Там же, 5.

⁴ Там же, 7-8.

⁵ Валентин Бродский, *Искусство почтовой марки*, 71.

Репина художник В. Сварог и художник-баталист Г. Савицкий, графики Н. Жуков, Л. Голованов, В. Бибиков и мн. другие.

Главное, что отличало первые советские марки – аллегоричность, символика. Достаточно перелистать „Каталог почтовых марок СССР“, обращающая внимание на описания: „Рука с мечом“, „Эмблемы рабочего труда“, „Эмблемы крестьянского труда“, „Эмблемы науки и искусства“, „Рука с молотом“, „Рабочий, высекающий на камне юбилейную дату“, „Жнец“, „Сеятель“ и т.д.⁶ Не будем, однако, переоценивать „стилевую гетерогенность“ жанра. Именно демократизм марки накладывает на ее развитие существенные ограничения. „Искусство почтовой марки, по самому назначению, по задаче обращения к массовой аудитории, постоянно сохраняет конкретную реальность изображения, как основную художественную черту. Продиктованная общественной необходимостью, эта черта прочно сохраняет руководящее положение в этом виде искусства, невзирая на всю силу воздействия различных художественных течений на протяжении всех периодов существования марки“.⁷

Авангард не привился на „почтовой ниве“. Весной 1918 года отдел ИЗО Наркомпроса, во главе которого стояли тогда „левые художники“, провел конкурс на рисунок первых почтовых марок. Коллегия Наркомпроса во главе с А. Луначарским признала победителем Натана Альтмана и бывшего „мирискусника“ Сергея Чехонина. Результаты конкурса вместе с репродукциями марок были опубликованы тогда же в журнале „Изобразительное искусство“ (1919, № 1). Особенно удачными признавались альтмановские эскизы, где в звезде размещались молот и наковальня (марка рублевого достоинства), колосья и серп (марка трехрублевого достоинства). На верхних линиях звезды значилось: „Республика Россия“. Альтмановские марки были выполнены в знакомой супрематической манере. „В этих проектах марок, – пишет В. Бродский, – намечался новый тип художественного решения, решительно отходящий от старых стандартов“,⁸ что, конечно, и послужило причиной отказа в приемке этих марок Наркомпочтелем, за которым было окончательное решение. „Представленные образцы были не очень удачными и Наркомат почт и телеграфов использовать их не смог“, – объяснял впоследствии В. Карлинский.⁹ „Почтовики“ предпочли перепечатку готовой серии, награвированной П. Ксидиасом по

⁶ См.: *Каталог почтовых марок СССР: 1918-1980*, в 2-х тт. – М.: Центральное филателистическое агентство „Союзпечать“ Министерства связи СССР, 1983, 1984; Д. Карачун, В. Карлинский, *Почтовые марки СССР (1918-1968)*, М.: Связь, 1969.

⁷ Валентин Бродский, *Искусство почтовой марки*, 74.

⁸ Там же, 80.

⁹ В. Карлинский, „Почтовые марки РСФСР. 1917-1921“, *Советский коллекционер*, 1966, № 4, 24.

рисунку Р. Зариньша еще в 1917 году. „Таким образом, смелая и интересная инициатива Наркомпроса осталась неосуществленной и создание первой советской почтовой марки стало делом художника и гравера, издавна состоявших на службе в Экспедиции заготовления государственных бумаг, более связанных с традициями и более опытных в этой отрасли художественной деятельности“.¹⁰ Такова краткая предыстория советской марки.

„Великий перелом“ в альбоме, превративший советскую марку в мини-картину с лозунгом, произошел в 1929 году. Связан он был с изменением сюжетов. Как нетрудно догадаться, „после победоносного завершения гражданской войны перед советским народом встали труднейшие задачи по восстановлению разрушенного хозяйства и по претворению в жизнь ленинского плана построения социализма, электрификации страны. Почтовые марки, посвященные этой теме, отображают кипучую созидательную деятельность советских людей, развернувших грандиозное хозяйственное и культурное строительство“.¹¹ Но еще большие изменения произошли в стилистике марки.

В почтовых марках традиционно различают три основных типа графического начертания: линейный, тяготеющий к гравюре и книжной графике, рисунку, с преобладанием чистой линии и сдержанной штриховкой; декоративный, тяготеющий к силуэту и характеризующийся интенсивностью цветовых пятен, контрастностью, лаконизмом графических решений; наконец, объемно-тоновый тип, который „подчеркивает пространственный характер изображения, широко использует сложную штриховую или тоновую разработку светотеневых градаций, создавая многоступенчатую шкалу световых и цветовых решений. Марки этого типа по трактовке приближаются к живописи или к фотографии“.¹²

Именно марки с объемно-тоновым типом рисунка и составляли, по признанию историка советской марки, „громадное большинство всех выпусков вплоть до середины нашего века“;¹³ „Сочетание изображения и шрифта в произведениях подобного типа далеко не часто приводит к стройному художественному единству, стилевой цельности. К числу лучших относятся в большинстве случаев рисунки с относительно крупным изображением предмета, фигуры или группы, не слишком осложненные мелкими изобразительными элементами... Естественно, что среди марок, выполненных в объемно-тоновой манере, к числу самых лучших зачастую принадлежат те, в которых центральное место занимает репродукция шедев-

¹⁰ Валентин Бродский, *Искусство почтовой марки*, 81.

¹¹ *Сто лет русской почтовой марки*, 24.

¹² Валентин Бродский, *Искусство почтовой марки*, 83-84.

¹³ Там же, 107.

ров мирового искусства".¹⁴ Разумеется, на советской марке 1930-50-х годов изредка появляются „шедевры“, но только русского искусства – картины передвижников, пейзажи Шишкина и др. сюжеты, активно функционировавшие в советской культуре. Но главное место заняли именно современные пространственные сюжеты.

В марке различают те же жанры, что и в живописи – портретный, пейзажный, натюрмортный, исторический, бытовой. Первым жанром со времен первой марки, знаменитого „Черного пенни“, был портрет. Затем появился символ. Позже – пейзаж. Еще позже – бытовой жанр (изображение бытовых сцен, эпизодов трудовой деятельности, исторических и военных событий, спортивных соревнований, современного технического быта, средств транспорта и т.д.). Затем – плакат. Наконец, появились коммеморативные марки (в ознаменование событий, юбилейных дат и т.д.). Эта жанровая эволюция прошла в советской марке ускоренным темпом на протяжении 1920-х годов. В это время мы найдем здесь практически все указанные жанры. Причем все они – равноценны. Ни один из них не выделяется. Но тема, как известно, может быть выражена разным путем. Скажем, „Созидательный труд“ может быть представлен эмблемой, аллегорической фигурой, исторической композицией, портретами ударников, стахановцев, изображением промышленных пейзажей и т.д. Побеждает – пейзаж.

Пролистывая альбом, начинаешь понимать, как именно произошел переход от аллегоризма марок 1920-х годов к „широким полотнам“ 1930-50-х. Действующие лица на марках помещаются теперь, как правило, на фоне пейзажа. В зависимости от отношений фона, фигур и текста, можно условно различить пейзаж сценический и самоэкспонирующий. Первый тип пейзажа являлся доминирующим в коммеморативных марках. Второй – в марках, презентующих Страну. Толчком для развития самоэкспонирующего пейзажа стало техническое усовершенствование: использование фотооригиналов при создании марки. Впервые – для марок с изображением здания Московского телеграфа (1929 год), а затем прием этот использовался исключительно широко. Именно этим способом в 1947 году была выполнена серия городских пейзажей к 800-летию Москвы. Между этими двумя событиями лежала целая полоса эволюции в презентации пространства в сталинской культуре. Использование фотооригиналов позволило создать и цветовые решения марок (характерные для сталинского визуального искусства в целом): тяжелые контрастные интенсивные „вторичные“ цвета (знакомые как по живописи, так и по первым советским цветным фильмам 1940-50-х годов). Способ этот состоял в последовательном наложении красок при печатании (своего рода фильтровой гамме):

¹⁴ Там же, 109.

накладывалось два оттиска – желтый и красный, а затем на совмещенный оттиск (с доминирующим оранжевым) – оттиск синего света. В результате все цвета становились „вторичными“ (совмещенными), сохраняя „тяжесть“ „первичных“ оттисков. Так минимумом цветовых пятен создавалась максимальная их интенсивность.

Обратимся, однако, к сюжетам. Поначалу самоэкспонирующееся пространство в них отсутствовало. Тот же Московский телеграф представлял собой экспонацию нового здания на Тверской. Такой же была и серия „За индустриализацию СССР“. Марка с текстом „Больше металла, Больше машин!“ изображала заводской пейзаж, а марка „Поднимем урожайность!“ – движущуюся в поле колонну тракторов. За выпуском 1929 года последовала серия, выпущенная в обращение в сентябре 1930 г. „За досрочное выполнение пятилетки“ „5 в 4 года“ с проплывающим на фоне новостроек дирижаблем. В следующем году дирижабль занимает ведущее место в двух основных сериях авиапочты (посвященной дирижаблестроению и арктическому рейсу ледокола „Малыгин“). Тут указанное „летающее средство“ проплывало уже над Кремлем, над полями, гидростанциями, заводами, над картой СССР, над полярными льдами, наконец, над силуэтами заводов на фоне восходящего солнца. Причем, в левом углу марки помещался человек в восточном халате, держащий на привязи верблюда, а на правом – житель Севера рядом с оленьей упряжкой. Происходят изменения и на марках стандартных (массовых) выпусков: рабочий теперь оказывается на фоне домен, работница – на фоне дымящих заводских труб и корпусов, крестьянка – на фоне снопов с сеном, а красноармеец – на фоне боевой техники. Пейзаж вторгается и в коммеморативные марки. Серия 1930 года, посвященная 10-летию Первой конной армии рисует конников то мчащихся по степи в атаку, то стоящих перед разрушенной церковью и трупами белогвардейцев (или убитых красноармейцев?). А серия того же года, посвященная 25-летию Первой русской революции 1905-07 годов, рисует картины баррикад на Красной Пресне или броненосец „Потемкин“ в бушующем море.

В 1932 году пейзаж окончательно завоевывает первенство на марках. Вся юбилейная серия, посвященная 15-летию Октябрьской революции и состоящая из 7 марок, решена исключительно пейзажно: картины выступления Ленина с броневики на Финляндском вокзале, штурм Зимнего Дворца, плотины Днепрогэса, Магнитогорского комбината, работающих в поле комбайнов и т.д. Большая серия (19 марок) 1933 года „Народы СССР“ вся состоит из „национальных“ картин, рисующих ненецкие упряжки, корякских охотников, грузинских садоводов, абхазских овцеводов, лезгинских ремесленников, узбекских хлопкоробов, башкирских коневодов... Все они в работе – на полях, в садах, на пастбищах, во льдах и т. д. Самолеты

теперь тоже проплывают над „бескрайними просторами Родины“ – над все теми же льдами, нефтяными вышками, домами Кузбасса, плотинами Днепрогэса, строящейся Магниткой, заводами, колхозными полями, каналами. Везде здесь (как и в выпуске 1935 года из 9 марок, посвященном героям-челюскинцам и рисующем самолеты, льды, зимовки и т.п. – сами портреты героев при этом занимают не более четверти самой марки) – пространство периферийное.

В середине 1930-х годов происходит смещение пространственной модели Страны – почтовые топосы становятся Москва-центричными. Первой ласточкой перемены стала серия 1935 года, приуроченная к пуску первой очереди Московского метрополитена. Москва начала вырастать из-под земли (еще одним напоминанием московского подземелья станет серия 1938 года, посвященная пуску второй очереди метро). Главным филателистическим событием 1937 года становится коммеморативная архитектурная серия, посвященная Первому Всесоюзному съезду архитекторов и состоящая из 7 марок и блока. Серия воссоздает проекты строящихся в Москве новых сооружений, перспективные планы новой застройки, здания, намеченные к строительству в Москве. Среди них – театр Советской Армии, гостиница „Москва“, Дворец Советов и др. В следующем году выходит большая серия „Реконструкция Москвы“ с картинами новой улицы Горького, Дома Совнаркома на проспекте Маркса, Библиотеки им. Ленина, метро „Динамо“, речного вокзала, Крымского и Москворецкого мостов. Марки эти особенно выделялись увеличенным размером, декоративной контрастной манерой исполнения, минимальной подтекстовкой, выделяющими новые московские пейзажи. Все новые и новые серии воспроизводят образ Москвы (серия марок 1941 года рублевого и двухрублевого достоинства с видами Кремля и выпуск, посвященный 5-летию Музея Ленина).

В Москва-центричной культуре вырабатывается новый способ презентации Страны. Она является теперь (в сериях 1939 и 1940 годов) в виде картин ВСХВ. Причем, если серия 1939 года представляет наряду с картинами Выставки традиционные „национальные мотивы“ (кавказские пастбища, северные пушные хозяйства, украинские коровники, русские хлебные и среднеазиатские хлопковые поля), то большая (17 марок) серия 1940 года состоит исключительно из фотографий республиканских павильонов Выставки. Промышленные пейзажи к концу 1930-х годов почти исчезают (о них напоминает разве что выпуск января 1941 года „СССР – передовая индустриальная держава“ с традиционными визуальными образами – рабочий и работница на фоне доменной печи, индустриальный пейзаж, паровозы новых типов, автомобили, комбайн на уборке урожая, дорога к Тушинскому аэродрому).

Страна имеет вне центра (Москвы) теперь два лица: одно – ВСХВ (как

бы часть самой столицы), другое – курорты. Большие серии 1938 года „Виды Крыма и Кавказа“ (12 марок) и 1939 года „Курорты СССР“ (8 марок), также сделанные по фотооригиналам, мало, впрочем, отличаются от павильонов ВСХВ, поскольку изображают либо высококультурные ландшафты Ялты, Алупки или Гурзуфа, либо дворцы („Ласточкино гнездо“, Дом отдыха им. Дзержинского). В еще большей степени это относится к „курортной“ серии, в которой изображены утопающие в кипарисах, пальмах и другой тропической растительности санатории-дворцы Кисловодска, Сухуми, Нового Афона. Эти павильонные серии окончательно зафиксировали визуальный образ советского пространства в марке – Столица и павильон Страны – накануне войны.

Война, разумеется, полностью изменила сюжеты марок, но изменить стилистику и сложившийся жанровый канон не смогла. Военные выпуски дают все те же пейзажные решения. Сценический пейзаж доминирует в сериях „Герои Великой Отечественной войны“ (1941-42 годы) и „Герои Советского Союза“ (1944), где изображаются подвиги летчика-истребителя Виктора Талалихина, впервые в истории авиации в ночном бою совершившего таран вражеского бомбардировщика; капитана Гастелло, направившего горящий самолет на скопление вражеской техники и бензоцистерн и взорвавшегося вместе с самолетом; генерала-майора Доватора, командира казачьего корпуса, прославившегося своими рейдами по немецким тылам; партизанов Зои Космодемьянской, Александра Чекалина, молодого гвардейца и т. д. Картины подвигов сменяются выпусками 1942-43 годов, рисующими боевые эпизоды: действия противотанковой артиллерии, бомбардировка советской авиацией вражеской танковой колонны, действия минометчиков, разведчиков в тылу у немцев, фронтовых связистов, вынос раненых с поля боя, подвиг героев-панфиловцев и т. д. В том же сценическом пейзаже решена и серия „Тыл – фронту в Великой Отечественной войне“ (декабрь 1945 года): танк выходит с завода, комбайн на уборке урожая, авиаконструкторы за созданием боевых самолетов, рабочий за изготовлением боеприпасов, швея за пошивкой обмундирования. Самоэкспонирующий пейзаж представлен в сериях „Города-герои“ (1944 год) с видами Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, серии в честь Парада Победы (1945 год) с видами Красной площади и серии, посвященной 220-летию Академии наук СССР с видами зданий Академии в Ленинграде и Москве.

Марки периода войны как будто возвращают нас к прежней (децентрированной) пространственной модели Страны: на первое место вновь выдвигается фронт (не „трудовой“, а реальный) – периферия, а центр (Москва) занимает вполне скромное место. Стоит, однако, отметить, что выделенность пространства подчеркивается теперь вполне определенным жан-

ровым решением: Москва (и города-герои) даются самоэкспонирующим пейзажем, тогда как периферийные пространства – сценическим. Нельзя представить себе чего-либо происходящего на фоне Кремля или какой-нибудь московской набережной, так же как нельзя встретить чистого пейзажа, например, среднерусской равнины: Москва самодостаточна, тогда как периферия – лишь фон для каких-нибудь действий (свершений).

На послевоенных марках уже нельзя встретить непейзажных решений – практически любая тема выражается через „картинку“. Если это „Пионерская серия“ (1948), то здесь перед нами – юные авиамodelисты, запускающие в поле свои „самолеты“; пионерский отряд, движущийся со знаменами по берегу моря; пионеры у костра, слушающие рассказ вожатого; пионеры за микроскопом; пионеры в лагере „Артек“, горнисты, юные натуралисты... Если это выпуск, посвященный 30-летию комсомола (1948), то и здесь – комсомольцы в студенческой аудитории, за штурвалом комбайна в поле, на спортивном параде на стадионе, на фоне доменных печей. Если это серия, посвященная 8 Марта (1949 год), то и здесь – женщины в поле, в ткацком цеху, в школьном классе, на трибуне...

Именно в послевоенных марках окончательно канонизировалась жанровая закреплённость презентации Центра и Периферии. Москва представлена здесь обширными, из года в год выходившими сериями: „Виды Москвы“ (1946 год), где из 8 марок на четырех изображен с разных сторон Кремль, на двух – Большой театр, по одной – гостиница „Москва“ и Музей Ленина; „800-летие Москвы“, „30-летие Моссовета“, „Московское метро“ и „10-летие канала имени Москвы“ (1947 год), „Музеи Москвы“ (1950 год). Особенно выделяется здесь большая серия (15 марок и блок), посвященная 800-летию города. Марки имеют сложную орнаментальную разработку, решены в декоративной, нарядной манере, в ярких, насыщенных цветах. Интересен подбор выделенных в Москве топонимов. Это – Кремль (Большой Кремлевский Дворец, Крымский мост и пять различных видов с Кремлевской набережной), Красная площадь (Собор Василия Блаженного), пространство, прилегающее к Кремлю в границах Бульварного кольца (гостиница „Москва“, улицы Горького, Калужская, Пушкинская площадь, Центральный телеграф), наконец, границы Садового кольца (вокзалы Киевский и Казанский). Эта внутренняя центровка самого московского пространства на московских сериях любопытным образом перекликается с „республиканскими“ сериями.

Периферийное пространство является поначалу в „гербовой“ серии (1947 года), приуроченной 25-летию образования СССР – 17 марок (герб СССР и 16 союзных республик) поражают своим цветовым решением – обилием позолоты и насыщенных цветовых пятен. Помпезность символи-

ки и здесь сменяется, однако, знакомой пейзажностью. В том же году, к 30-летию Украинской ССР выходит серия „украинских пейзажей“. Это – здание Совета Министров Украины в Киеве, затем Днепрогэс, поля, зернохранилища, доменные печи и угольные разрезы Донбасса. Три серии 1949 года (к 25-летию Таджикской ССР, Узбекской ССР и Туркменской ССР) повторяют ту же модель: все они открываются видами столиц союзных республик. Причем, прежде всего правительственных зданий – Дом правительства Таджикистана, здание Совмина Узбекистана и т. д. Разумеется, есть здесь и текстильные комбинаты в Ашхабаде, и ирригационные системы, и новостройки Ташкента, и ковровщицы за работой, и Большой Ферганский канал, но виды „правительственных объектов“ выделены (уже тем, что эти марки имеют двойную номинацию и дублируются в сериях). Внутренняя центровка периферии сохраняется, однако, во все том же незыблемом каноне: все пространства власти даются в самоэкспонирующем пейзаже (к ним жанрово приравнены и „курорты Крыма и Кавказа“ (серии 1946, 1947, 1949 годов), экспонирующие роскошные дворцы номенклатурных санаториев и „Домов отдыха трудящихся“ в Сочи, Гаграх, Сухуми, Новом Афоне, Ливадии, Кисловодске, Железноводске, Махинджаури, Цхалтубо, Хоста и буйную тропическую растительность Кавказа и Крыма), а все „бытовые“ (трудовые) пейзажи даются сценически (плакатно).

Послевоенная марка перестает экспонировать периферию как таковую. Все элементы экзотики из нее последовательно устраняются: мы больше не видим ни чукотских оленьих упряжек, ни нанайских юрт, ни абхазских пастухов в бурках. Исчезают и коммеморативные марки, посвященные всевозможным „героическим эпопеям“, каковых было выпущено много в 1930-е годы: по случаю арктического рейса ледокола „Малыгин“ (1931 год), полета стратостата „СССР-1“ (1933 год), челюскинской эпопеи (1935 год), беспосадочного перелета Москва-США через Северный полюс (1938 год), полярного дрейфа ледокола „Седов“ (1940 год), дрейфующей научной станции „Северный полюс“ и др.

В марте 1946 года сессия Верховного Совета СССР принимает „четвертый пятилетний план восстановления народного хозяйства на 1946-50 гг.“. В октябре появляется серия на эту тему. Перед нами – плакатные марки, выполненные в новой манере: лозунг занимает теперь лишь восьмую часть площади марки, а остальное пространство отведено индустриальному пейзажу: „Дадим стране 50 миллионов тонн чугуна ежегодно!“ – доменщик на фоне печей; „Дадим стране 127 миллионов тонн зерна в год!“ – комбайн на уборке урожая; „Дадим ежегодно стране 60 миллионов тонн нефти“ – нефтяные вышки; „Дадим стране 500 миллионов тонн угля ежегодно!“ – железнодорожный состав с углем и т.д. Те же пространственные решения

сохранены и в сериях 1946-47 годов – о восстановлении „гигантов индустрии“ („восстановительная“ серия 1947 года состоит из 24 марок) – Днепрогэс, Константиновский и Макеевский металлургические заводы, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Ростовский завод сельскохозяйственных машин... В 1948 году выходит новая серия – за досрочное выполнение плана четвертой пятилетки по металлургии, добыче угля, добыче и переработке нефти, тяжелому машиностроению, транспорту, электрификации, сельскому хозяйству и животноводству. Везде здесь на первом плане – работающие люди и „производственные процессы“ на фоне индустриальных или сельскохозяйственных пейзажей. Серия 1948 года, передающая „пафос мирного строительства“, также состоит из плотин Каховской и Сталинградской ГЭС, плотин и высоковольтных линий на фоне Куйбышевской ГЭС, Волго-Донского канала и его сооружений, новых жилых домов, „гидротехнических сооружений“ и других „строительных объектов“. Наконец, серия 1949 года „Сталинский план преобразования природы“ как бы синтезирует „пейзажные“ решения за предыдущие пять лет. От „схем размещения лесозащитных полос и полезащитных лесонасаждений“ до иллюстрируемых пейзажем лозунгов (типа: „Колхозники, стройте пруды и водоемы!“ – на всю марку пруд, на одном берегу которого дом колхозника, а на другом – плакучая ива; „Чтоб сеять обильный урожай – лес береги и лес сажай!“ – березы на фоне полей с тракторами и т.д.).

Можно заметить, что в середине 1950-х годов промышленная тематика сменяется сельскохозяйственной. Серии 1954-56 годов уже полностью посвящены сельскому хозяйству. Под лозунги: „Широко развернуть строительство колхозных гидроэлектростанций!“, „Широко внедрить прогрессивный квадратно-гнездовой способ посадки картофеля!“, „Увеличить производство продуктов животноводства!“, „Расширить посевные площади и повысить урожайность льна!“, „Освоим новые целинные и залежные земли!“, „Выращивайте больше овощей!“, „Увеличить производство кукурузы и подсолнечника на силос!“ и т.д. перед нами проплывают комбайны на уборке зерновых, кукурузное поле, уборка урожая кукурузы, элеваторы, стадо коров, птицеферма.

Юбилеи редко бывают этапами. Однако 1958 год, год столетия русской почтовой марки, оказался переломным. Главным филателистическим событием этого года была юбилейная серия из 11 марок. На заглавной марке изображался реактивный самолет на фоне силуэта почтовой тройки, а на 10 – эпизоды из истории почты: XV век – княжеский писец на фоне кремлевских стен; XVI век – гонец с почтой на фоне боярских хором; XVII век – упряжки лошадей, мчащихся, надо полагать, с почтой на фоне княжеских палат; XVIII век – дилижанс на фоне дома с колоннами, на котором написано „Почтамт“; XIX век – почтовая тройка в степи с верстовым стол-

бом на заднем плане. Пять марок изображали советский период в истории почты: силуэт „Авроры“ и силуэт Кремля, а в центре – советская почтовая марка с портретом Ленина, обвитая телеграфной лентой с ленинской цитатой: „Социализм без почты, телеграфа, машин – пустейшая фраза“; портрет В. Подбельского, „организатора связи РСФСР“ и красноармейцы с почтой, раздающие ее бойцам; почтовый вагон на перроне вокзала, откуда выкатывают контейнеры с почтой; авиапочта – самолет на аэродроме, люди, почтовые отправления в специальных вагонах. Заключала серию марка, выполненная в давно забытой символической манере: самолет, пароход, поезд, мчащийся по мосту на фоне кремлевских башен, перед которыми – глобус. Пожалуй, это была последняя „пейзажная“ серия. С конца 1950-х годов советская марка возвращается к портретному жанру, резко расширяется сюжетный диапазон (репродукции произведений живописи и декоративно-прикладного искусства), возвращается советская символика. Пейзаж если не уходит из марки вовсе, то занимает определенно периферийное место в ней. Почему умер пейзажный жанр? Почему именно он занял основное место в марке в 1930-50-х годах? Может быть, изменился характер презентации пространства?

Как бы то ни было, марки 1930-50-х годов, отразили процесс трансформации пространственных представлений сталинской эпохи. Будучи неизмеримо более доступным видом „пропаганды и агитации“, чем живопись, они не только отражали, но и формировали определенную спатальную модель культуры. Марка не может „поразить зрителя“, как картина или фильм. В автоматизме восприятия „знака почтовой оплаты“ таится, однако, не менее мощный социально-преобразующий потенциал. Смысл целенаправленного воздействия на массовые „привычки сознания“ состоял в советскую эпоху в том, чтобы снять культурность (искусственность) происходивших в стране социальных сдвигов. К концу сталинской эпохи новые исторические и пространственные реалии не воспринимались более как искусственно „сделанные“, но именно как вполне естественные (и значит – легитимные). Рутинность восприятия „рамочных картинок“ была своего рода знаком естественности предлагаемой ими картины если не мира, то, по крайней мере, Страны. Об отношениях с миром стоит сказать, пожалуй, особо.

В том нежном возрасте, когда интерес к маркам только пробуждается, каждый советский ребенок знал стихотворение „Почта“ популярнейшего детского поэта Самуила Маршака. Рассказывалось в нем о том, как письмо путешествовало по свету за „адресатом“ и никак не могло его догнать. Оно шло из Ростова в Ленинград, с юга на север, потом разноцветные почтальоны с „сумкой на ремне“ несли его по Берлину, и по Бобкин-стрит, и под пальмами Бразилии... А адресат, отвечали им, уже отбыл. Так и путеше-

шествовало это письмо по миру, „догнав“, наконец, получателя, когда тот вернулся домой, в Ленинград. Это пустое кружение письма (а стихи Маршака, издававшиеся миллионными тиражами, всегда были ярко иллюстрированы и разные марки на ярких обложках детских книжек не могли не поразить воображения ребенка) как будто отражает заключенную в советской марке пространственную модель.

Советская марка „по миру“ не ходила. Ее „мировой потенциал“ как бы дремал в ней на протяжении всей сталинской эпохи – советские люди ни в Берлин, ни на Бобкин-стрит, ни в Бразилию писем не отправляли. Марка представляла образ Страны – почти исключительно... самой стране. Эта тавтология действия заставляет „читать“ марку как объект сугубо иконический. Изображенное на ней пространство самодостаточно. Окруженное рамой, оно замкнуто на себе (потому-то основные коллизии, разворачивающиеся в сюжетах советских марок, зациклены на отношениях Центра и Периферии). Основное содержание советской марки – презентация топографической культурной мифологии – позволяет видеть в ней действительно символ новой топографии: заключенная в этом „знаке почтовой оплаты“ информация о Стране оплачена вполне – она намертво впечатана в советский менталитет и проштемпелевана Историей.

Не то, чтобы это к чему-то обязывало историка культуры, не то, чтобы заставляло заглядывать в какие-то „закоулки“. Речь идет лишь о пользе перелистывания старого Альбома с марками.

Страна как образ страны: „На суше и на море“

Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь,
что значит, когда уже некуда больше идти?..
Ф. Достоевский, *Преступление и наказание*

В революционной культуре активность масс наиболее ярко проявилась в так называемых „уличных зрелищах“. „Массовые действия“, столь близкие культуртрегерам эпохи Пролеткульта, давно стали предметом всевозможных исследований. К числу основных тенденций „ранних советских праздников“ А. Пиотровский, один из первых режиссеров массовых постановок, относил тенденцию „в особенности к трактовке пространства как некоей топографической „реальности““.¹⁵ Видимо, сама по себе эта „тенденция“ явно шире „народных карнавалов“ эпохи гражданской войны. Можно предположить, что она закрепляет некоторые более общие массовые „привычки сознания“, поскольку, когда эпоха „большевистских карнавалов“ ушла в небытие и „народная активность“ приняла – уже в сталин-

¹⁵ А. И. Пиотровский, *За советский театр*, Л. 1925, 25.

скую эпоху – совершенно новые „организационные формы массовой активности трудящихся“,¹⁶ процесс трансформации пространства и создания новой „топографической ‚реальности‘“ сохранился, приняв, впрочем, новые формы.

К числу наиболее ярких форм „сталинского карнавала“, несомненно, относится „физкультурный праздник“. Не случайно наиболее яркими визуальными образами 1930-х годов стали „физкультурные парады“, сменившие „массовые зрелища“ 1920-х. Сталинская эпоха была временем расцвета „массовой физкультуры и спорта“, а сам вождь – „лучшим другом советских физкультурников“. Говоря о „физкультурном движении“, будем иметь в виду самый массовый его вид – туризм. Количество туристов в Советской стране достигло, по данным Госкомитета по делам физкультуры и спорта СССР за 1938 год, фантастических размеров – миллионы человек: 500 000 человек посвятили свои отпуска так называемому дальнему туризму, 200 000 участвовало в „местном туризме“ (в пределах области проживания, на так называемых „оперативных маршрутах местных туристических управлений“), еще 200 000 были „туристами-самодеятельниками“. Сюда же следует отнести и 20 000 альпинистов.¹⁷

К числу препятствий, стоящих на пути „широкого развития советского туристического движения“, относилась не только плохая организация дела, но и элементарное отсутствие карт. „Сотни тысяч трудящихся Советского Союза, проводящих свои отпуска в туристских путешествиях, – сетует „журнал туристов СССР“ *На суше и на море*, – испытывают большие неудобства ввиду отсутствия в продаже географических карт. До последних лет наиболее распространенной была так называемая „десятиверстка“, составленная в 70-х годах прошлого столетия. Однако листы этой карты, даже частично обновленные, настолько устарели, что в продажу теперь не поступают“.¹⁸

Перед нами – культурный парадокс. С одной стороны, как пелось в популярной советской песне эпохи перестройки, пародировавшей советский официальный язык: „Здесь плыть запрещено... Здесь быть запрещено... Здесь жить запрещено... Туда нельзя! Сюда нельзя! Никуда нельзя!“; с другой, „расцвет туризма“. Речь идет, разумеется, о „внутреннем туризме“, поскольку „международный туризм“ в 1930-е годы практически отсутствовал. Причем, пропагандируется не традиционный вид туризма (посещение „достопримечательностей столицы“), но путешествия по периферии. С одной стороны, „табуирование“ пространства и социальные механизмы, резко ограничивающие сами возможности передвижения внутри страны

¹⁶ См.: А.В. Захаров, „Массовые праздники в системе тоталитаризма“, *Тоталитаризм как исторический феномен*, М. 1989.

¹⁷ См.: „Советский туризм“ (Редакционная), *На суше и на море*, 1938, № 6, 4.

¹⁸ И. Суходрев, „Туристский атлас“, *На суше и на море*, 1939, № 3, 11.

начиная с середины 1930-х годов (введение паспортной системы, прикрепление рабочих к „месту работы“, невозможность покинуть колхоз и т. п.) были симптомами своего рода топографической паранойи. С другой стороны, поощрение туризма формировало своеобразную топографическую шизофрению. Обе эти „социальные болезни“ были выражением страха пространства, характеризующего сталинскую культуру в целом. Речь идет прежде всего о культурном моделировании периферического пространства, пространства, противостоящего самодовлеющему Центру (может быть, подсознательным выражением этого страха и стало создание в столице ВСХВ – крупнейшего сооружения конца 1930-х годов, – этой модели периферии) и непосредственно граничащего со „враждебным окружением“ – внешним миром. Здесь нас будет занимать сам механизм создания этого образа периферийного пространства.

Прежде всего заметим, что широко известное „табуирование пространства“ в сталинской культуре, воспринимавшееся советскими людьми как вполне привычная особенность „среды обитания“ и, напротив, вызывавшая недоумение у иностранцев, которым не разрешалось снимать вокзалы, метро или мосты (характерно, что эти „объекты оборонного значения“ были прежде всего связаны с транспортом – средством преодоления пространства), было результатом действия сложного культурного механизма. В его основе лежал некий корпус визуальных образов Советской страны, подлежащих постоянному репродуцированию. Те же метро, мосты, заводы и каналы визуально постоянно воспроизводились в плакатах, на открытках, почтовых марках, в газетах, но это были тщательно „сделанные“ образы, культурно отобранные презентации.

Но ни газеты, ни открытки не дают той полноты „работы с периферией“, какую найдем мы на страницах чрезвычайно популярного в 1930-е годы „журнала туристов СССР“ *На суше и на море* (тираж журнала доходил до 45 – 50 тысяч экз., что превышало тиражи не только „толстых“ литературных журналов, но и многих „массовых“). До 1936 года журнал был органом ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а после – „Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР“, что было связано с передачей туризма из ведения профсоюзов в ведение государственного „Комитета“ (специальным постановлением ВЦИК). „Огосударствление туризма“ было одним из „мероприятий“ по введению массовой инициативы в „организационное русло“. Стоит заметить, что туризм в силу неформального характера общения участников „экспедиций и походов“ потенциально опасен. Не случайно в 1960-е годы он превращается форму эскапизма, именно в „туристической среде“ возникает „неформальная культура“, „самодельная песня“ и т. д.

Будем помнить также, что образ самого туриста амбивалентен. Атри-

буты туриста: компас, карта, мобильность, превращающая его в человека пусть временно, но „выпавшего“ из режима („паспортной системы“), делают этот персонаж подозрительным. Во-первых, он начинает походить на „бродягу“ (БОМЖа на официально-лагерном жаргоне). Отсюда – постоянная борьба с элементами „бродяжничества“, „беспризорности“ – этих „уродливых форм, в которые нередко выливается туристическое движение“ или, например, с „безнадзорностью детского туризма“. „Отсутствие достаточной воспитательной работы в ряде школ и неумение направить по верному руслу огромный интерес наших ребят к путешествиям и экспедициям, – читаем в одной из передовиц „журнала туристов“, – приводит к многочисленным побегам ребят из дома“.¹⁹ Это „выпадение“ из закрепленного социального пространства – знак выхода индивида из зоны нормализации, надзора, контроля, просматриваемости (простреливаемости). Во-вторых, турист – человек, ходящий в горах с компасом и картой, – начинает походить на шпиона. Эта амбивалентность как бы заранее программирует процесс создания „образа туриста“ и, соответственно, процесс презентации его „среды обитания“ – периферии.

Когда листаешь комплекты *На суше и на море* за 1930-е годы, возникает ощущение, что находишься в децентрированной стране. Здесь практически отсутствуют упоминания о Москве или Ленинграде. Перед глазами (а журнал едва ли не на треть заполнен фотографиями) – виды гор, горных потоков, экзотических растений и мест. Было бы трудно даже перечислить все эти топосы, которыми оказалась „столь щедро наша родина“, если бы не *Туристский атлас СССР*, которого так „жадно ждали все любители путешествий по родной стране“. Заметим, что атлас этот включал в себя „карты только важнейших туристских районов“ и никак, разумеется, не годился для того, чтобы дать целостное представление о Стране. Она рассыпалась на куски-маршруты. Маршрутных районов было 38. Среди них: Кольский полуостров, по реке Онеге, по рекам Чусовой и Сысве, по рекам Уфе, Юрезани и Ай, по реке Белой, Северный Урал, Промышленный Урал, Южный Урал, по Верхней Волге, от Москвы до озера Селигер, озеро Селигер, по реке Ветлуге, по следам конармии Буденного, по следам армии Ворошилова, по следам героического похода Щорса, по Украине и Крыму, по реке Днепр, Крым, Южный берег Крыма, Черноморское побережье Кавказа, Сочи-Сухуми, по Военно-грузинской дороге, по Военно-осетинской дороге, по Военно-сухумской дороге, по Чечне и Дагестану, Эльбрус, Казбеги, озеро Севан, озеро Гек-Гель, по Алтаю, гора Белуха, озеро Иссык-Куль, Заилийский Ала-Тау, по местам

¹⁹ „Детский туризм беспризорен“ (Редакционная), *На суше и на море*, 1939, № 5, 5. См. также: „Внимание детскому туризму“ (Редакционная), *На суше и на море*, 1938, № 5, 6; „Беглецы“ (Редакционная), *На суше и на море*, 1938, № 12, 7.

ссылки Ленина, по Средней Азии, по Гессаро-Зеравшану. Длинный этот перечень дает почти исчерпывающее представление о визуальных образах периферии Страны, представленных в главном туристском журнале. Характерно, что чисто пейзажные образы практически отсутствуют. Чаще всего перед читателем – сценический пейзаж: если это бурная река, то на ней – люди в лодках или байдарках, если это покрытые снегом горы, то на первом плане – взбирающиеся по ним альпинисты с рюкзаками, если кручи – то скалолазы и т.д. „Картинки“ почти всегда дают образ человека, борящегося с природой, преодолевающего ее. Так происходит формирование „образа советского туриста“.

Образ этот вполне литературен и потому наше сравнение журнала *На суше и на море* с литературным „толстым“ журналом 1930-х годов вполне закономерно. Перед нами – соцреалистическое преображение. Кто такие герои Периферии? Познакомимся с первыми попавшими на страницы журнала:

Нина и Зоя на станкостроительный завод „Самоточка“ пришли еще совсем маленькими – здесь они обучились, выросли, и каждая получила специальность по своему призванию.

Нина Новикова, худощавая, подвижная и бойкоглазая девушка, стала контролером в отделе технического контроля, а Зоя Кузмичева, крепкая, статная девушка с решительным волевым лицом, выбрала профессию фрезеровщицы.

Каждая из них любит свое дело и каждая вдумчиво относится к работе.

Нина, принимая детали, никогда не пропускает продукцию с изъяном или неточных размеров. Свою работу она выполняет так четко и быстро, что всегда имеет свободное время, и ее часто перебрасывают в другие пролеты (отделы) помогать приемщикам.

Зоя Кузмичева – комсомолка-стахановка прекрасно изучила фрезерный станок и мастерски им овладела. Производственный план Зоя выполняет теперь на 160-180 процентов.

Кроме работы в цехе Нина и Зоя ведут большую общественную работу. Комитет комсомола премировал девушек туристскими путевками.

До 1936 года ни Нина, ни Зоя дальним туризмом не занимались. Роскошнее субтропической природы и богатств нашей прекрасной социалистической родины они не видели. В этом году они впервые побывали на Кавказе, на теплоходе проехали по Черному морю.

Комфортабельная обстановка, веселая, живая компания туристов, собравшихся со всех городов страны, изумительной красоты берег и сверкающие на солнце снежные шапки горных вершин, виднеющихся с моря, привели девушек в восторг.

Девушки решили обязательно начать путешествовать и в первую очередь пройти по Военно-сухумской дороге.

Двухнедельное путешествие по Кавказу дало девушкам хорошую зарядку. Они окрепли, отдохнули и обогатили свои знания.

Встречи с иногородними туристами-стахановцами, беседы о стахановских методах работы, новая обстановка и поэтическая природа вызвали жадность к труду и соревнованию²⁰.

Перед нами – образец „преобразующего“ соцреалистического письма, начиная портретом („бойкоглазая“ становится контролером ОТК, а „крепкая, статная“ – фрезеровщицей) и кончая сюжетом (что они могли видеть „роскошнее субтропической природы и богатств нашей прекрасной социалистической родины“, если они впервые покинули стены родного завода и почему „поэтическая природа вызвала жадность к труду и соревнованию“?). Наши новые знакомые Нина и Зоя – настоящие соцреалистические персонажи.

Таким персонажем является и лирический герой многочисленных очерков о туристах на страницах журнала:

Отправляясь в путешествие по нашей великой стране, невольно хочется воскликнуть: „Любимая социалистическая родина! Как хорошо шагать по твоим необъятным просторам с рюкзаком за плечами! Сколько нового и замечательного увидишь, проплывая на лодке по твоим многочисленным рекам!“ Леса, горы, реки, озера – все это наше. Новые города, заводы, МТС, рудники, школы, каналы – все это построено нами под мудрым руководством большевистской партии, во главе которой стоит любимый вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин. С гордостью путешествуешь по первой в мире стране социализма. Какие радостные чувства охватывают каждого из нас, при виде богатства, могущества и величия государства рабочих и крестьян, в котором ты хозяин!²¹

Эта романтическая (под Гоголя) патетика органично сочетается с жанром передовой статьи:

Путешествия на лодке, пешком, на велосипеде, на лыжах воспитывают волевые качества, дисциплинируют человека, прививают ему коллективизм... Наглядное ознакомление с нашей замечательной родиной, с ее природными богатствами, достижениями социалистического строительства, свободной и счастливой жизнью народов – все это воспитывает в туристе беспредельную любовь к социалистической родине: патриотизм. Здоровый отдых в путешествии, эмоциональная зарядка содействуют повышению производительности труда...

Туризм и альпинизм воспитывают физически тренированных и волевых людей. Помимо этого, только они прививают специальные знания, исключительно важные для военного дела: самостоятельные

²⁰ Д. Кузнецов, „Стахановцы-туристы“, *На суше и на море*, 1936, № 8, 15.

²¹ Бор. Котельников, „Шпионы“, *На суше и на море*, 1939, № 11, 4.

путешествия и горовосхождения учат ориентировке на незнакомой местности, умению пользоваться картой и компасом, наблюдательности, походной жизни, преодолению природных препятствий, технике передвижения в горах и т.д.²²

Как ощущают себя сами туристы? Журнал охотно предоставляет свои страницы самодеятельной поэзии покорителей бурных рек и „сверкающих на солнце снежных шапок горных вершин“. Например, турист А. Абегауз в стихотворении „Когда...“ верно понимает значение альпинизма, его „важность для военного дела“:

Когда от Эльбруса к востоку,
Через Баксан, вдоль Адыл-Су,
К ее ледовому истоку
Я вновь рюкзак свой принесу,
Когда над пенною стремниной,
Над морем брызг, над злостью вод,
Пройду с друзьями путь единый
На пламенеющий восход...
Тогда меня там встретит снова
Среди величья высоты
Спокойность чувства, ясность слова
И мир исполненной мечты.

Когда же враг придет опять,
И тень войны встревожит горы,
Тогда, Кавказ, твои просторы
Мы будем с честью охранять!
Тогда, послав привет столице,
Мы Шхельдой станем у границы,
И луч предупреденной зарницы
У нас не обнаружит страх.
Мне подтвердят снега Эльбруса,
Что тот в бою не будет трусом,
Кто не теряется в горах.²³

А вот вполне „мирные“ медитации туриста А. Каменера в стихотворении „Вперед“, набранного на фоне горного пейзажа:

Мы – на подъеме.
Мы – отряд
Высокогорной экспедиции.
Глаза отвагою горят,
Печать решимости на лицах.

²² „Задачи советского туризма“ (Редакционная), *На суше и на море*, 1939, № 5, 4.

²³ А. Абегауз, „Когда...“, *На суше и на море*, 1938, № 10, 9.

Заданье коротко гласит:
„В походе выковать героев.
Вершину взять и водрузить
Победы знамя над горою“.
Отсюда виден стан врага
И все, что позади осталось.
Здесь человечества нога
Еще не разу не ступала...
Цель – Коммунизма пик – близка.
О ней веками лишь мечтали...
Мы к ней придем!
Нас вдохновляет имя:
Сталин!²⁴

Какой же предстает Страна перед туристом и читателем журнала *На суше и на море*? Она описывается почти непременно по периферии: она простирается от Кушки до мыса Дежнева, „с южных гор до северных морей“, от Бреста до Камчатских сопок, „лежит, раскинув города, покрыта сеткою меридианов, непобедима, широка, вольна“. Описываемое этими предельными точками пространство, также распадается на внутренние периферические топосы, но все эти топосы – внутренне-советские. В них последовательно снимается все национально-своеобразное. Например, о Баку сообщается:

Любителям восточной „экзотики“ сейчас не надо ходить на окраины. Все восточное перенесено сейчас на центральные улицы города. Чуреки продают в булочных и кондитерских. Кебаб и чекахбили из баранины зажариваются уже не на восточном шумном базаре, а в кухнях ресторанов и столовых.

Теперь не нужно идти и в „духан“ (восточную чайную), чтобы послушать тюркскую национальную песню, музыку, увидеть танцы. В клубах, дворцах культуры, в тюркской опере – всюду процветает национальное искусство.

Если вам захочется познакомиться с бытом Востока, к вашим услугам музеи, в котором можно увидеть много картин, изделий из мрамора, ковры лучших восточных мастеров, драгоценную утварь и антикварные восточные украшения...

С высот старой восточной крепости хорошо видна Баиловская тюрьма. В этой тюрьме в 1908 г. сидел и писал свои „Письма с Закавказья“ тов. Сталин... В ней сидели и нынешний нарком пищевой промышленности т. Микоян и 26 бакинских комиссаров.²⁵

²⁴ А. Каменера, „Вперед“, *На суше и на море*, 1936, № 11, 4.

²⁵ И. Ракитин, „Баку“, *На суше и на море*, 1936, № 8, 14.

Характерно это понимание „восточной экзотики“ (само слово „экзотика“ завычивается): чуреки, кебаб, чекахбили, духан (требуется даже специальное пояснение) и т. д. оказывается в совершенно преображенном – уже собственно советском – пространстве: булочные и кондитерские, кухни ресторанов и столовых, клубы, дворцы культуры, тюркская опера, музей („к вашим услугам“) и – в числе достопримечательностей – не сохранившиеся памятники древнего зодчества, а... тюрьма, поскольку в ней сидели Сталин, нарком пищевой промышленности (позабывшийся, надо полагать, о том, чтобы кебаб и чекахбили продавались не где попало, а в „ресторанах и столовых“) и 26 бакинских комиссаров. Это измененное пространство гомогенно, как в стихотворении туриста Льва Черноморцева „Родина“, печатающемся на фоне фотографии „Альпинисты на перевале Джантуган (Кавказ)“:

Урал, Сибирь, Кавказ иль Украина,
Где б ни был я, на родине всегда –
Меня встречают, как родного сына,
В пути – колхозы, села, города.

Не потому ль я, гражданин Советов,
Туристом зорким, радостным иду.
Где б ни был я – всегда слова привета,
Гостеприимство чуткое найду!

Ведь к ледовым, орлиным перевалам
В соседстве звезд, в кочевьях облаков –
Недаром через горы пролежала
Широкая тропа большевиков!

Товарищи! С любовью мы встречаем
Поля страны, и реки, и моря.
Наш компас верен! Мы всегда шагаем
Одним большим маршрутом Октября!²⁶

Главная особенность описываемого здесь пространства (как и в текстах профессиональных советских поэтов) – самодовлеющая закрытость: „Урал, Сибирь, Кавказ иль Украина“ – все эти разные топосы в действительности лишь презентуют один большой („на родине всегда“). Все эти „колхозы, села, города“, поля страны, и реки, и моря“ принадлежат замкнутому пространству, в котором, оказывается, все шагают „одним большим маршрутом“. И „маршрут“ этот пролегает по границе.

Советская культура – культура воспаленных границ. Граница – пространство встречи двух разных топосов – советского и непременно враж-

²⁶ Лев Черноморцев, „Родина“, *На суше и на море*, 1935, № 21, 17.

дебного. Граница живет своей особенной жизнью, полной опасностей и подвигов, а значит – героев и врагов. Турист принципиально отличается от врага. Он – почти герой. Вот и лирический герой стихотворения туриста Черноморцева („я, гражданин Советов“) „туристом зорким, радостным идет“. Одновременность здесь значимая („зоркий и радостный“ в одно и то же время): в любой момент надо быть готовым встретить и обезвредить шпиона или диверсанта, поскольку, как объясняет „журнал туристов СССР“, „использование путешествия для шпионажа давно практикуется разведками всех стран“.²⁷ Для пущей наглядности рисуется такая картинка:

Идет сборная группа. Колонна туристов медленно поднимается на перевал. Тяжело дыша, люди преодолевают последние метры крутого склона. И когда первые доходят до перевальной точки..., проводник объявляет отдых. Все быстро снимают дымчатые очки, садятся отдыхать. Солнце поднимается к полдню. Хочется есть.

Разбившись по группам, туристы вынимают из рюкзаков хлеб, колбасу, сахар. Начинаются разговоры, знакомства. С приюта туристы вышли до восхода солнца, в темноте, и вот теперь они впервые знакомятся друг с другом.

К одной из групп подсаживается низкорослый блондин. Он одет, как многие туристы и альпинисты, в гольфы, защитную рубашку, на ногах – горные ботинки. Он турист-одиночка, лет пять назад приехал из-за границы (в этом легко можно убедиться по его акценту), работает в Москве электротехником. Его новые знакомые – альпинисты, идущие из горного лагеря к морю. Большинство из них – рабочие оборонных заводов.

Оказывается, и у ребят, и у туриста-одиночки маршрут один...

Спустя некоторое время низкорослый блондин в гольфах и защитной рубашке сидел в кабинете следователя НКВД. Он оказался шпионом одного из западных государств“.²⁸

Вот как бывает... Одним словом, граница... Ведь, объясняет журнал,

враг коварен и хитер. Его приемы самые разнообразные... Поэтому нужна бдительность... Путешествуя в горах, по рекам, лесам, мы должны быть начеку!

Нужно навсегда уяснить себе и твердо запомнить, что шпион, действующий под маркой туриста, иностранного или „нашего“, выполняет в основном следующие задания. Он собирает сведения военного характера (о продукции оборонных заводов, расположении и вооружении отдельных воинских частей, разработках полезных ископаемых оборонного значения и т. д.), о настроениях жителей. Делает это

²⁷ „Советский туризм“ (Редакционная, *На суше и на море*, 1938, № 6, 4.

²⁸ Там же.

он путем разговора со своими спутниками, с местными жителями. Шпион фотографирует и обследует местность. Он изучает отдельные стратегические пункты, железнодорожные мосты, новое промышленное строительство.

Помимо 'мирной' работы, агенты иностранных разведок готовят и пытаются совершить различные диверсионные акты. Они стараются вовлечь в свои ряды неустойчивых и шатких людей. Для этого они прибегают к шантажу, спаиванию, бытовому разложению.²⁹

Тут враг, конечно, просчитался: советских туристов не „разложишь“. Об этом свидетельствуют их отклики на „Приговор народа троцкистско-зиновьевским гадам“: „Родной Иосиф Виссарионович! 25 августа в 13 часов 30 мин. мы, жены начальствующего состава Сталинобадского гарнизона, в количестве 19 человек взяли горную вершину в 4 150 метров в районе кишлака Гушары. Наше восхождение совпало с вынесением приговора над врагами народа – троцкистско-зиновьевской группой. Данным походом мы заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, о своей готовности в любую минуту вместе со своими мужьями встать на защиту нашей замечательной Родины... Своим походом мы проверили свою готовность. Несмотря на все трудности нашего пути, протекавшего в условиях урагана с градом и дождем, при встречных лавинах и обвалах, в обстановке суровой природы горного Таджикистана, указанная высота нами взята без отставших“.³⁰

К „женам начальствующего состава“ присоединяются экскурсанты, проживающие в Московском Доме туриста: „Нет пределов нашему возмущению и нет слов для выражения презрения к троцкистско-зиновьевским гадам – агентам фашизма... Караящая рука пролетарского правосудия пресекла гнусные попытки презренных бандитов. Путешествуя по нашей великой родине, мы всюду встречаем гигантские стройки, новые города, рабочие поселки, школы, процветающие совхозы и колхозы, созданные под гениальным руководством тов. Сталина. Смерть убийцам и фашистским отпрыскам, пытавшимся из-за угла убить того, кто уверенно ведет нас от победы к победе!“³¹

Итак, наши опасения (вполне, как казалось в начале этого очерка, законные) относительно того, что обитатель (покоритель) периферийных пространств – турист может быть как-то подозрителен, как подозрительна сама среда его обитания, оказались напрасными. Пройдя горнило соцреалистического мимесирования, этот персонаж вместе со средой представлен очищенным, отразясь в магическом зеркале соцреалистического письма. Результатом стало полное преобразование опасного топоса. Причина про-

²⁹ Там же.

³⁰ *На суше и на море*, 1936, № 9, 4.

³¹ Там же.

исшедшей на наших глазах пересемантизации периферии, лежит, как представляется, в сфере иррациональной. Это своего рода *заклинание*. Преображенный топос перестает быть опасным, а турист становится своеобразным отражением главного героя 1930-х годов – пограничника.

И хотя граница в действительности не стала безопаснее, а турист не перестал быть подозрительным, культурного значения это уже не имеет. Перед нами – продукт творчества власти, ничем не изменившей своей „народной природе“: подобно участникам массовых действий эпохи Пролеткульта, она стремится, говоря словами А. Пиотровского, к „трактовке пространства как некоей топографической „реальности““. Только таким пространством стала теперь не уличная сцена, а сама Страна, а „топографической „реальностью““ – идеальный образ этой Страны. Полный цикл соцреалистического преобразования завершился: преобразившись в Слово, Страна становится другой. И, наконец, самой собой.

Пространство-Слово: „Над картой Родины“

Я всегда думал написать географию; в этой географии
можно было бы увидеть, как писать историю.

Н. Гоголь

Среди издательских предприятий Горького 1930-х годов журналу *Наши достижения* принадлежит совершенно особое место. Это был первый журнал, созданный Горьким после приезда из Италии. Он просуществовал с 1929 по 1936 год и занял ведущее место в развитии советского очерка и т.н. „научно-популярной литературы“. Среди его авторов были Константин Паустовский и Михаил Пришвин, Лев Кассиль и Иван Катаев, Иван Жига и Михаил Кольцов, Иван Вольнов и Ефим Зозуля, А. Зорич и Т. Тэсс, Виктор Финк и Евгений Габрилович... В этом созвездии имя писателя-географа Николая Михайлова кажется совсем не приметным.

Когда Горький привлек Михайлова к работе в журнале, у двадцативосьмилетнего автора был за плечами бесценный опыт путешественника: с научными и литературными целями он объездил всю страну – от Каракумов до полюса, участвовал во многих экспедициях и походах – на Памир и Тянь-Шань, побывал во многих странах мира. Именно на страницах горьковского журнала рождалась одна из самых признанных книг советской научно-популярной литературы – книга Михайлова *Над картой родины*. На страницах горьковского журнала печатались его „занимательные статьи“ – „Города, которых не было на картах“ (1933, № 7), „Новая география“ (1933, № 10), „Исправление природы“ (1934, № 2). В 1936 году в горьковском альманахе „Год XIX“ был напечатан очерк Михайлова „По-

черк истории“, из которого через год выросла книга *Лицо страны меняется*. Интерес к „новой географии“ к концу первой пятилетки был связан не только с „рекламой“ „наших достижений“, но и с естественным отражением нового пространственного ощущения жителей страны в момент, когда миграционные процессы приобрели наибольший масштаб. Ответом на этот запрос стало постановление ЦК ВКП(б) (май 1934 года) о пропаганде географических знаний среди молодежи и необходимости издания серии книг по „занимательной географии“.³² Не случайно, после смерти Горького в 1936 году, когда издание журнала *Наши достижения* было прекращено, подхваченной осталась именно эта – „географическая“ – линия горьковского издания, нашедшая свое продолжение в журнале *Наша страна* (1937–41 годы).

Вышедшая в 1937 году книга Михайлова *Лицо страны меняется* была лишь первой ласточкой. За ней последовала книга *Земля русская* (1946), *Просторы и богатства нашей родины* (1946) и, наконец, *Над картой родины* (1947), книга, принесшая Михайлову Сталинскую премию (следует учесть, что среди Сталинских лауреатов Михайлов был единственным „научно-популярным“ автором), выдержавшая не одно издание и переведенная на многие языки мира. Впоследствии наш автор писал и другие книги такого же рода: *Моя Россия (Российские просторы)* (1964), *По стопам исполина* (1967) и многие другие, но если бы Николай Михайлов написал только одну книгу *Над картой родины*, его имя уже заслужило бы того, чтобы быть упомянутым в советской культурной истории.

Книги Михайлова вряд ли в состоянии объяснить что-либо в географии одной шестой части суши, но по ним, несомненно, можно изучать советскую культурную топографию. Впрочем, разница эта была не всегда ясна современникам: выходившие массовыми (полумиллионными) тиражами его книги, постоянно переписываемые от издания к изданию („лицо страны меняется“!), действительно показывали советскому человеку страну, в которой он живет. Не то чтобы здесь было много карт. Можно было бы сказать, что их здесь не было вовсе: книга была снабжена контурными „картами“, демонстрировавшими в раме знакомого силуэта советской страны то основные районы добычи нефти („прежде и теперь“), то основные центры машиностроения („прежде и теперь“), то образцы приближения промышленности к крупным источникам сырья, то размещение автомобильных заводов и т.д. Все это было связано стрелками, указывающими направления грузов, связей, обменов между городами и промышленными регионами. Каждый раз перед нами – два похожих силуэта, на одном из которых мало точек („прежде“), а на другом – много („теперь“). На совре-

³² „О преподавании географии в начальной и средней школе СССР“ – Постановление ЦК ВКП(б), *Комсомольская правда*, 1934, 16 мая.

менном силуэте все выглядит действительно более рационально, тогда как на прежнем, известное дело, нет почти ничего. Карта стала внутренне цельной, а с тем – и замкнутой. К примеру, до революции топливо было в основном завозным, не считая Донбасса и Кавказа, зато в эпоху сталинских пятилеток включился и Кузбасс, и Караганда, и Урал, и Воркута, и дальневосточные Сучаны, и Печерский бассейн, и Экибастуз. Все это внутренне связано стрелками, живет, кипит, работает, как мотор. Как двигатель внутреннего сгорания. А главное, с каждым годом карта становится все более нагруженной новыми и новыми районами и промышленными объектами. Это, конечно, никак не значит, что картой этой можно пользоваться.

Традиционная советская проблема с картами заслуживает внимания. Карта – объект секретный: диверсанты, шпионы и, разумеется, советские разведчики охотятся чаще всего почему-то за ней. Именно в карте содержатся самые секретные сведения: не в каких-нибудь технических документах, не в каких-нибудь протоколах, не в каких-нибудь списках – в картах. Довженко рассказывал, как обсуждал в сталинском кабинете свой фильм *Аэроград* и как Сталин, заинтересовавшись идеей строительства нового города на берегу Японского моря, попросил Довженко показать ему облюбованное место на карте. Для этого, вспоминал Довженко, Сталин провел его через свой кабинет в запертую комнату, где висели карты, завешанные специальными шторами. Святая святых. Эту тайну пространства нельзя понять вне контекста отношения к картам самого Сталина. Как поведал Хрущев на XX съезде, Сталин с конца 1920-х годов до конца жизни никуда, кроме своей крымской резиденции, из Москвы не выезжал. Кремлевский отшельник почти всегда находился в Москве – либо в своей кремлевской резиденции, либо на „ближней даче“. Знаменитое сталинское окно в Кремле, как известно, было всегда освещено. Оно было освещено и во время коллективизации, и во время индустриальной революции 1930-х годов, и во время войны (как известно, Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт), и во времена „великих сталинских строек коммунизма“. Сталин руководил самой большой страной мира, преобразовывая ее исключительно по картам. Карта и была эквивалентом власти. Настоящие же карты находились в сталинском кабинете.

Но без карты страна не знает себя. Тем более страна, о которой в мире прежде всего известны ее небывалые просторы. Тем более страна, главной гордостью которой на протяжении всей сталинской эпохи было слово „преобразование“. Сталин не случайно получил титул „зодчего коммунизма“. Но что может „зодчий“ без карты? И что могут делать рядовые строители, когда им не показывают карту? Что им строить и чем гордиться? А если нечего видеть, остается слышать. Значит, вместо карты нужны слова. Оказалось, впрочем, что карту совсем не обязательно пока-

зывать – ее можно рассказывать. К тому же, обычное разглядывание карты бесполезно – оно не вызывает никаких чувств и ничему не воспитывает. Книги Михайлова артикулируют карту, учат ее читать. Читать в буквальном смысле – как историю (ведь с картой все время что-то происходит). Оказалось, что карта – это вовсе не визуальный образ, а элемент вербального ряда. Описание в состоянии заменить карту. Оно очень селективно и имеет определенную стратегию. По сути, эта дескриптивная стратегия и создает некое виртуальное пространство. Назовем его „пространство-слово“. Стратегия дискурса о советском пространстве и будет занимать наше внимание.

Сталин над картой – любимый образ советских кино и живописи. Преобразования по карте требуют не только прозорливости, но и изощренности в чтении карты. Сталин переделывал карту, рационализировал ее не только в соответствии с экономическими, политическими или военно-стратегическими нуждами, но и в соответствии со своими эстетическими представлениями. В революционной культуре природа никогда не была средой, но всегда – объектом. Она была воплощением реальности, которую требовалось изменить, создав, по любимому выражению Горького, „вторую природу“. В соответствии с этим строилась и революционная эстетика с ее неприятием „реализма“ и „позитивизма“. Ненавистой станковой живописи, изображавшей „женские окорока“, противопоставлялась рационалистическая конструкция, „сладкозвучной“ поэзии – функциональная речовка или „рванный монтаж“. Словом, непременно нечто искусственное, „сделанное“. „Искусственное“ оказывалось заведомо предпочтительнее „естественного“, „здорового“. Как известно, сталинская культура порывает с этим „нигилизмом“. Но эстетический нигилизм следует рассматривать не только в художественной, но и в политической проекции. Возврат к „реализму“ и „натуральности“ (к „здоровому искусству“) не означал отказа от политических аспектов революционного проекта. Сталинский политико-эстетический проект отличался от революционного прежде всего стилистически: тогда как эстетическое измерение этого проекта возникает на „возврате“ (ретроспекции), политический каркас преобразуется естественным путем (перспективно).

С чего начинается география? Она начинается с... истории (первая глава книги *Над картой родины* и называется „Поступь истории“). Михайлов называет это „четвертым измерением“ того, что нам раскрылось: не широта, не долгота, не отметка над уровнем моря, а годы человеческих усилий: „Человек преображает земную поверхность смелее и быстрее, чем игра горообразовательных сил, действие вод или смена климатов. Он роет, бурит, взрывает, насыпает, строит. Лик земли приобретает все новые и новые черты, условностью знаков и красок передает их географической

карте, – и карта своим языком повествует нам о том творческом труде, о деянии народа. Карта отзывчива, как светочувствительная пластинка. Она запечатлевает перемены в судьбе народов и государств. История чертит на карте свой путь, и карта выступает перед нами живым свидетелем, умным и вдохновенным рассказчиком“ (4).

Но рассказ начинается автор. От издания к изданию „карта“ в его книге становится все „живей“. Издание 1949 года начинается красиво: „Географическая карта на стене. Подходим к ней, как к распахнутому окну: сквозь легкую сетку меридианов и параллелей за окнами видна страна. Ее очертания знакомы нам с детства – как родной дом, как лицо матери. Значок Москвы, ветвистое дерево Волги, уральские складки, серпик Байкала... Мысль просвечивает карту, и перед нашим внутренним взором за цветной ее плоскостью в трехмерном пространстве ложатся равнины, промоздятся хребты. Синие пятнышки разливаются в широкие озера, извилистые линии оборачиваются буйными реками, маленькие кружочки вырастают в города, полные жизни. Слышно, как на севере холодные льдины шуршат у бортов корабля, а на юге горячий песок тонкой струйкой стекает с бархана. Окно распахнуто настежь – будто ветер с далеких просторов ворвался и ударил в лицо. Вся необъятная Советская страна перед нами!“³³ Всего этого – распахнутых окон, буйных рек, внутренних взоров и прочих красотей в прежних изданиях не было.

А оставалось всегда главное, с чего и начинается описание советского пространства, – граница. Граница эта внутренняя. Она маркирует карту мира изнутри советского пространства: „Красная черта на карте говорит: на земле возник новый мир – мир социализма. Государство, в котором власть у людей труда. Страна, где нет порабощения человека человеком. На старой карте – царская империя. На новой – социалистическая держава, сложный организм равноправных, добровольно объединившихся свободных государств... И весь этот комплекс сверкающих многими гранями кристаллов образует цельное гармоническое сочетание, чудесный узор, в котором сплелись счастливые судьбы десятков народов, мудрость освобожденного труда, щедрость природных богатств, разнообразие ландшафтов... Незыблем священный рубеж советской земли. Твердо нанесена на карту мира красная черта – от Печенеги до Калининграда, от Калининграда до Измаила, от Измаила до Курильской гряды. Это не только граница величайшей из стран мира – это линия, через которую не проступают бесправие, произвол, угнетение. В странах капитала – тьма и рабство, власть денег, насилие над массами, разжигание войн... У нас, на советской земле, – свободные

³³ Н. Михайлов, *Над картой родины*, Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Молодая гвардия, 1949, 3-4. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках.

граждане свободной страны, радость созидательного мирного труда, великие строительные леса коммунизма... Наша страна стала могущественнейшей державой. И эти исторические сдвиги нашли свое отражение на карте“ (4-5). Как видим, важно не столько начертание, „форма“, сколько „содержание“: там – „империя“, тут – „держава“. Карта стара лишь „по форме“, но нова по содержанию. А содержание нужно рассказывать.

Советская карта интересна своей историей прежде всего.

У нее новые качества. Она прежде всего предмет эстетический, заключающий удивительную гармонию, что в особенности видно при сопоставлении с картой капиталистического мира: „Печать неравномерности и жестокой эксплуатации лежит на географии старого капиталистического мира... Печать стихийного развития лежит на географии капиталистического мира. Все богатства здесь принадлежат владельцам-капиталистам. Частное предпринимательство вызывает там к жизни заводы и рудники. Корчевать леса и осушать болота заставляет погоня за наживой. Борьба с природой не может вестись при капитализме планомерно и широко. Конкуренция разобщает усилия людей. В погоне за личной прибылью безрассудно опустошаются и леса, и недра, животный мир“ (5-6).

Михайлов приглашает читателя смотреть на карту так, как смотрит на нее Сталин. Наша карта – наша история: „Читатель! Москвич и уралец, украинец и казах! Гражданин Страны Советов! Вглядишься в карту Родины. Подумай над картой, как хозяин думает над планом своего дома, как конструктор – над чертежом дорогой для него машины, как художник – над лучшим своим творением. Перед тобой – твое достояние. Перед тобой – твоя страна. Здесь все твое: твои горы и твои города, твои леса и твои нивы. Все эти богатства принадлежат тебе. И ты, советский человек, своим коллективным разумом по-хозяйски распорядился принадлежащими тебе богатствами. По замыслу и завету Ленина, по плану и под руководством Сталина сделал ты свою страну могучей и обильной. Посмотри на карту Родины – это летопись твоего великого, безмерного труда“ (11).

Но карта – предмет эзотерический. Ее и следует рассматривать „внутренним взором“, поскольку понять ее можно, только, „читая“ то, что „за картой“ „просвечивает“: „Вот мы говорим: на карте видны новые города, заводы, дороги, рудники. Это так, конечно. Но ни города, ни заводы не возникают сами. Экономическая карта – это человеческий документ, это послужной список народа. Значок завода – в нем и героизм рабочих, и организованный талант руководителей, и слава стахановцев. Прямоугольный массив поля – в нем радость коллективного труда, новая культура работы, новое отношение крестьянства к земле. Флажок полярной станции на берегах Карского моря, точка ледниковой обсерватории в горах Памира – в них скромный, но сознательный подвиг“ (10). Эта мистичность процесса

чтения карты странным образом сочетается с материальностью, телесностью „данного нам в ощущение“ визуального образа.

Так, третья глава книги *Под флаг Страны Советов*, повествующая о расширении „державы“, имеет совершенно отчетливую задачу: дать почувствовать читателю, что „тело“ страны стало, наконец, единым и целым: „Не сразу приняло наше союзное государство те контуры, которые мы ныне видим на карте. Было время, когда за рубежом великой революции оставались миллионы обездоленных людей, наших братьев по крови и языку“. Например, „украинская Галицийская земля... томилась под гнетом Австро-Венгрии“, над крестьянами „Закарпатской Украины... властвовали венгерские помещики“. Словом, „по живому телу резали нашу родную Украину“. В Прибалтике „западноевропейские империалисты штыками своих армий утвердили реакционно-буржуазный режим“, Западную Украину и Западную Белоруссию „прибрали к своим рукам польские пань“, а Бессарабию и Буковину – „румынские бояре“. Нечто подобное было и на востоке: „на исконных русских землях... хозяйничали японцы“, они, „как грибки-паразиты, приросли к телу Южного Сахалина и к Курилам“. Да, „долго страдали наши братья в разлуке с матерью-Родиной. Тяжкое чувство: совсем рядом, за близкой чертой – родная страна и свой народ, свободный и радостный. А ты под началом чиновника-иноземца... И лишь ныне воссоединены разобщенные народы“. О „восстановлении исторической справедливости“ говорит карта новых территорий СССР (24).

Но, став целым, „тело“ страны должно быть самодостаточным, независимым ни от внешних условий, ни от погодных (и те, и другие – враги этого „тела“). Ведь что было раньше? „Империалисты Запада все шире распространяли свою власть в России. Слабосильный, хоть и не менее хищный, отечественный капитал упускал лакомые куски один за другим. Россия стала лицом к лицу с иностранным капиталом, познав всю его гнетущую, выматывающую силу. Утекали за границу акции бакинских промыслов, Франция плавила украинскую руду, Америка скупала на Чукотке пушнину, Япония вылавливала охотскую рыбу, Англия вырубала архангельский лес“ (79). „Только в результате Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным широкое изучение и освоение несметных богатств нашей Родины... Как могучий волшебник, наш народ вызывает к жизни мертвые клады земли, завоевывает сказочно обильный мир подземных богатств“ (71). А зачем? „Товарищ Сталин сказал: ‚С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью‘. В СССР – половина мировых запасов нефти. Половина запасов железной руды. Половина всего торфа. Подавляющая часть апатита и калия. Третью марганца. Огромные запасы цветных и редких металлов. У нас не было многого – теперь у нас есть все“ (70).

Но и этого мало. „Тело“ страны – живое, оно пронизано внутренними взаимосвязями и взаимозависимостями: „Каждый край имеет свои богатства; края помогают друг другу – и страна растет... Была ли такая взаимопомощь в старое, дореволюционное время?.. Один человек подчинял другого, один район подавлял другой. Капитализма нет – и связи между районами стали иными. Все части страны слились в едином планомерном движении. Антагонизм и конкуренция уступили место дружбе и сотрудничеству. В основу новых хозяйственных связей легла не частная выгода, а общая польза, расцвет народного богатства и увеличение мощи нашей социалистической Родины“ (98).

Но важно, что в самих капиллярах – новая кровь: „Башкиры возводили моторный завод. Туркмены разбуривали нефть. Буряты начали строить паровозы, разрабатывать руды. Казахи принялись за выплавку меди. Зубечки, сняв с лица чачван, шли работать на новые текстильные комбинаты. Киргизы стали производить сахар и сукно. От кочевого седла – к сложной машине, от бубна шамана – к инженерному искусству. Пастухи, зверобои, землепашцы стали сталеварами, монтажниками, электромонтерами, химиками. Новые люди на новых заводах встали за сложные станки, научились ими управлять. Выросли национальные кадры рабочего класса“ (85).

Что же такое „тело“ страны? Здоровое тело возможно только „в условиях нашей социалистической действительности“. К примеру, на Западе „невозможно слить все частные интересы в единую волю“ (118). Значит, нужно, чтобы (1) не было „частных интересов“ и (2) была „единая воля“. И вот (речь идет в данном случае об энергетике), когда „нет частной собственности на землю, на средства производства, и социалистическое государство легко может выбрать для постройки станции лучшее место. Оно может бросить на постройку станции крупные средства. Оно может наилучшим образом использовать природные энергетические ресурсы. Оно может повести линию передачи в любом, самом нужном направлении. Оно может присоединить к линии любое предприятие. Выбор решается планом, а план исходит из интересов народа. Народ работает для себя и потому работает хорошо“ (114). В тисках этой логики не остается вопросов о том, почему государство так легко все „может“, тогда как больше никто ничего не может. Предметный урок политэкономии социализма оказывается, как и положено, уроком государственности. Кроме государства, нет субъектов деятельности. Оказывается, впрочем, что работает („хорошо“) все-таки „народ“, тогда как „социалистическое государство“ легко все „может“. Продолжаем смотреть на карту...

Если „тело“ страны живое – значит оно изменяющееся. Вот, „любим мы свою славную родимую Волгу, но оставить ее такой, как она есть, не хотим... Плотины гидростанций подпрут воду и превратят Волгу в цепь

длинных озер-водохранилищ с большими глубинами... плотины верхнего течения станут задерживать паводковую воду и спускать ее в меженное (маловодное) время. Весенний разлив будет пойман и так распределен, что и летняя Волга станет глубокой, многоводной. Все это и называется реконструкцией Волги" (121). Таким же образом будет создан Севанский каскад. Путем открытия севанского озера его воды будут спущены с гор, что позволит использовать ее в целях ирригации и даст дешевую электроэнергию, которая „преобразит все хозяйство Армении". Все эти „плановые чудеса", конечно, невозможны при капитализме: „Предпринимателю и нужды нет, рационально ли разместится его завод с точки зрения интересов всей страны и ее будущего. Станет ли география промышленности более равномерной, превратится ли еще один аграрный район в индустриальный: для дельца-стяжателя вопросы в такой постановке нелепы... Так и происходят географические сдвиги в хозяйстве капиталистических стран – сдвиги стихийные, не согласованные, никем не спланированные" (145).

Вдумаемся однако в „постановку вопроса": что означают эти „рациональность", „интересы страны", „равномерность" и, наоборот, „стихийность", „несогласованность", „неспланированность"? Перед нами – политико-эстетические категории. Причина изменений оказывается в них самих. Следует предположить, что заводы и строятся для того, чтобы придать карте страны „рациональность" и „равномерность". Именно так следует понимать „интересы страны" как единого организма, „тела". И если они этих качеств стране не приносят – каков от них прок? Они не „неэкономичны", но именно нефункциональны перед лицом гармонии Страны, поэтому и описывается эта негативная их сторона в категориях „стихийности" или „согласованности". С другой стороны, и старая карта прежде всего дисгармонична: „Хозяйственная отсталость царской России отражалась и на ее географической карте... Унаследованный от времен капитализма географический рисунок был уродлив, неровен. Промышленность была скучена в одних районах, а в других ее вовсе не было. И создание новой географии не могло не быть одновременно исправлением старой" (77, 83-84). Эстетическая оптика определяет во взгляде на карту все: красивое – значит „целое". К примеру, „исчезли собственнические межевые знаки, затем и те зукые зеленые полосы, что были характернейшей чертой старого деревенского пейзажа. Сейчас перед нашими глазами расстилаются просторные единые массивы. Широкое поле черного пара, золотое раздолье пшеницы, колкая щетина жнивья – их не перечеркивают, не дробят зеленые линии межей" (151).

Все в этой Стране „новое". Достаточно взглянуть на названия глав книги Михайлова: „Новые земли на старой карте" (гл. 4), „Новые богатства земных недр" (гл. 5), „Новые бастионы социалистической индустрии" (гл.

6), „Новые поля“ (гл. 7), „Новые пути“ (гл. 8), „Великое обновление“ (гл. 9). Как же изменяется страна? Каким чудом рождается вся эта невиданная „новизна“? Этим чудом является, конечно, Слово. Например, создание „второго Баку“: „Разведать нефть в середине страны, разведать во что бы то ни стало – такое указание дал товарищ Сталин. Взяться серьезно за организацию нефтяной базы в районах западных и южных склонов Уральского хребта“, – сказал наш вождь. И это задание было выполнено“ (65). И вот в 1932 году забили нефтяные фонтаны не только на Урале, но и на Волге. В результате „родилась новая нефтяная страна“ (65). А если бы нефть не нашлась? Мы ничего не узнали бы об „указаниях товарища Сталина“ на этот счет. Перед нами – настоящая советская история: о причинах в ней рассказывается только тогда, когда следствия оправдали (или сказано, что „оправдывают“) себя. События оказываются такими же не самоценными, как и пространство.

Итак, главное чудо карты – ее постоянное изменение. Преображение – главное событие рассматривания „карты родины“. Изменяется все. Прежде всего – земля. Разумеется, сам источник изменения сугубо идеален. Ясно, к примеру, что „самый передовой общественный строй создает и самую плодородную землю“ (172).

Но изменяются и растения: „Изменить природу растений, а тем самым переделать и географию растениеводства – вот как поставлен вопрос передовой советской наукой“ (158). Этому служат „мичуринская биологическая наука“, которую „высоко поднял выдающийся советский ученый академик Лысенко“, в руках которого все преобразуется чудесным образом: озимые сорта – в яровые, поздние – в ранние (159). В результате меняется география растениеводства. Чем изумителен Мичурин? Прежде всего тем, что этот „великий преобразователь природы“, ум которого „опрокинул географические пределы, которые казались естественными“ (191), позволил провести „осевнение“ растений. Но, конечно, „исправить карту плодоводства может лишь творческая инициатива масс... Создать новую географию садоводства может только сам народ“ (191).

И вот рождается чудо: „Морозные зимы не пускали грушу и яблоню ни на Урал, ни в Сибирь. Но советские люди решили: там, где построены заводы, где есть города и селения, там могут и должны быть разбиты сады. И сады там разбиты“ (191), „Белый налив, грушовка московская, коричное, анис, стелющиеся по земле, растут на Оби, на Енисее, на Лене. Первые плоды яблонь и вишен получены, например, в далеком Ханты-Мансийске“ (192), виноград теперь выращивают в Донбассе, но „поставлена задача создать виноградарство под Москвой... Виноградники под Москвой станут делом обычным. Обычным делом станут здесь и бахчи. Это тоже переворот не только в структуре полеводства, но и в пейзаже: на поле возле

северной ели или сосны спеют полосатые арбузы или желтые дыни, которые, казалось, могли расти только где-нибудь у Камышина или Ташкента" (193), „Впервые яблоки вызревают на Северном Сахалине. Пройдут годы, и пади нашего тихоокеанского побережья будут так же устланы виноградниками и фруктовыми садами, как сейчас долины Крыма" (195), „У самого полюса холода в открытом грунте выводят овощи, махорку, томаты, кабачки. Героическим трудом создают новую географию культурных растений. Так растениеводческий фронт медленно, но неотступно, с трудом, но победоносно движется на север... Земледелие выходит к берегам Северного Ледовитого океана. Здесь теперь можно увидеть не только теплицы, но даже и огороды под открытым небом... Среди полярной ночи..., в открытом грунте... зеленеют листья китайской капусты... Но немало нужно поработать, чтобы выполнить задание правительства и партии – создать на Крайнем Севере мощную, устойчивую продовольственную базу. Географический предел земледелия в нашей стране небывало расширен" (199-200).

В чудесной советской стране ничто не пребывает в бездействии – все куда-то движется: „Пшеница движется дальше на север, на восток" (в Сибирь и в Казахстан) (177); „Рис движется к северу... под Куйбышевом, Курском и Рязанью, в болотах Полесья..., в окрестностях Москвы – на две тысячи километров севернее прежней рисовой зоны. Начинает создаваться новая карта рисосеяния" (178); кукуруза „сдвинута к северу" – в степи Сибири (179); „В Сибири сильно расширились посевы ржи" (179); „Советская власть перечертила географическую границу хлопководства. Она сдвинула ее далеко к северу – с сорок третьей параллели к сорок седьмой. В пустовавших степях Причерноземья, Приазовья возникли хлопковые совхозы" (180); сахарная свекла растет в Прибалтике и в Карелии, под Москвой и на Волге (181). Да что там, европейский запад – „Привычные пейзажи изменились. В оазисах среди пустыни навалены кучи бураков, как где-нибудь в лесостепи у Винницы" (182). А сейчас по инициативе товарища Сталина началось продвижение субтропических культур в более северные районы – на Украину, в Молдавию, на Кубань" (189)...

Словом, „за три десятилетия советской власти изменилась у нас география сельскохозяйственных культур. Отвергнуты старые ‚пределы распространения‘, сломлены устаревшие представления" (182). Если это движение еще как-то объяснимо, то в дальнейшем многое кажется совершенно иррациональным. Зачем-то, например, происходит массовое переселение животных: пятнистого оленя переселяют с Дальнего Востока на Украину, в Поволжье, на Урал; алтайский сурок прижился в Дагестане, на Гунибе; выхухоль впервые поселен на Днепре; в лесах под Москвой живет

сибирская косуля; в Подмоскovie разводят диких кабанов с Кавказа; на Русской равнине размножают уссурийского енота (221-222).

Все в этих картинах должно поразить читателя. Визуализация в этом случае оказывается совершенно излишней: Картина бессильна перед Словом: „Человеку в капиталистическом мире неведомы быстрые и притом плановые изменения в географическом ландшафте. Ученые современного Запада сетуют: „Ландшафт – это неотвратимая судьба“. – „Нет! – говорим мы. – Своими руками, по продуманным чертежам строим мы свою страну, создаем новый ландшафт“. Буржуазные ученые говорят: „География не создается, а рождается сама собой“. – „Нет! – говорим мы. – Строя коммунизм, мы с разумным расчетом переделываем страну, изменяем ее географию“ (7). В этом тексте не случайно „сетуют“ и „говорят“: только Словом рождается чудо, перед которым всякие „сетования“ оказываются бессильными. Не важно, чем в реальности явились все эти немислимые „преобразования“, – важно, что изменилось самое ощущение реальности, ее в е р б а л ь н ы й образ.

К примеру, автор рассказывает об изменении грунта. Это – осушение и орошение земель. Осушение проводится в Колхиде, на Кубани, на Ирпене, в Полесье и других местах. Как оно происходит? „Люди, вдохновленные грандиозностью замысла, творят новый – здоровый и цветущий – край. Край создается, но уже есть его будущая географическая карта. Перед грандиозностью проекта бледнеет проект осушения Флориды, некогда составленный магнатами Америки. Край этот будет, ибо он предусмотрен социалистическим планом, ибо так хочет, так решил советский народ“ (207). Совершенно ничего нельзя узнать о проблемах, связанных с решением столь грандиозных задач. Но, оказывается, этого и не требуется: есть вдохновение, план, образ цветущего края.

То же и с орошением. Мы узнаем о создании Вахского канала, Большого Ферганского канала им. Сталина, Мингечаурской оросительной системы, Катта-Курганской водной системы, Кара-Кумского канала и т.д. Все это уже происходит и как бы уже существует, но модальный статус всех этих „народнохозяйственных объектов“ остается неясным. Все рисуется в будущем времени. Будет так: „Назревают грандиозные перемены в Туркменской республике. Сегодня воды Аму-Дарьи могучим потоком уходят в Аральское море, а кругом лежат иссохшие под жарким солнцем пустыни. Завтра Аму-Дарью повернут в сторону Каспийского моря – к безводным землям, ждущим влаги“ (212). Преобразится все – Туркмения, Узбекистан – „Географию среднеазиатских оазисов нужно будет писать заново“ (214). И – как угроза: „Придет время, когда мы обратим против ныне безлюдных пустынь и подземные реки“ (214). Идут грандиозные работы – пустыня отступает – „вода смывает с карты участки пустынь один за другим“ (214).

Пустынь уже как бы нет. И хотя, спустя годы, оказалось, что вместо пустынь начало исчезать само Аральское море, никакого реального значения этот факт не имеет. Все видимое зыбко: не верен глаз, не точен расчет, не убедительны доводы тех, кто хочет „очернить“ картину созидания. Настоящая картина живет в Слове. И как таковая она не подвержена эрозии реальности.

Изменение климата, борьба с засухой – дело, конечно, нужное. Ведь раньше „судьба и жизнь крестьянина были в руках у погоды, своевольной и неумолимой“ (161), но „чтобы уничтожить засуху, надо вступить в борьбу с климатом... Такая борьба могла развернуться и действительно развернулась только в условиях колхозного строя“ (162) и теперь „советский человек ведет борьбу за другой, новый климат на полях“ (162). В результате грандиозных работ „переделяется география. Поля как бы сдвигаются на сотни километров в другой климатический район, в менее засушливую зону“ (163). „Сдвигались“ ли действительно поля – неизвестно. Зато читателя не оставляет ощущение разумности и полезности описываемых действий. Описание должно вызывать художественный эффект „заражения“. Именно к этому направлена риторика – все эти фигуры трудового „энтузиазма“ или банальных „противопоставлений“. Тогда как у нас все облагораживается, в Америке в погоне за прибылями была вырублена половина лесов страны – „на месте дремучих лесов остались одни пни“. В результате – „весенние потоки начали скатываться сразу, реки выплескивались из русел разрушительными наводнениями, землю не скрепляли корни деревьев и кустарников, и ее увлекала текущая вода“ (167). Распахали прерии („без всякого плана“!). В результате – „почва теряла комковатое строение, становилась рассыпчатой и легко выдувалась ветром“ (168). В другой части прерий сделали пастбища и утоптанная коровами земля, „переставая дышать, сохла, не принимала влаги“ (168). И дальше – страшная картина: с полей смывалась плодородная почва, росли овраги, обнажалась подпочва, исчезла зелень. И – „ветер вздымал тучи пыли, они поднимались на огромную высоту, затмевали солнце, неслись за тысячи километров... Пыль проникала в легкие людей, губила их здоровье... Огромные пространства плодородных почв превращены в пустыню“ (168).

Описание самодостаточно. Как известно, чтобы нарисовать картину Апокалипсиса, визуальный ряд не нужен. В конце концов возникает вопрос: а зачем вообще нужна карта? Карта в книге Михайлова – лишь повод для нарратора. Его книга ведь не только история, но и политэкономия социализма – самая загадочная наука, которую по Михайлову и можно понять. Отсюда – столько мистики и литературности в книге *Над картой родины*. Но, читая эту книгу, начинаешь понимать, что жанровый стык принципиально важен для реализации данной дескриптивной стратегии и

обусловлен самой спецификой пространственной модели сталинской культуры. Не будучи самоценным, пространство на наших глазах переплавляется во время. Это какой-то самопожирющий хронотоп. Потому-то к самому концу книги заявляет о себе Центр. До самого конца, пока не начинается центровка Советской Страны, нельзя сказать, что книга эта – о Периферии. Организация пространства начинается тогда, когда книга почти закончилась. И не случайно наиболее „удобным“ для „центровки“ оказалось городское, т. е. уже организованное пространство.

Последняя глава книги, посвященная городам социализма, рисует новый их облик: „Раньше: целое событие в городе – любительский спектакль в купеческом клубе... А сейчас в каждом городе покрупнее – театр с постоянной труппой... Раньше: маленькая больница с одним врачом и двумя сиделками да „богоугодное заведение“. Теперь – целая сеть поликлиник, амбулаторий, консультаций, детских садов... Высокие ворота с флагами, белая статуя дискобола, оживленные группы молодежи: стадион. Звуки музыки, зеленые газоны, люди на желтых дорожках: парк культуры и отдыха“ (265). Спациальная ось полностью совпала с темпоральной. Новый город превращается в идеально организованный топос, своего рода модель преобразования всего пространства. Обжитость, рациональность настоящего и постоянная недостаточность прошлого разрешаются в гармонии будущего.

Вот каким будет Сталинград, пока еще лежащий, впрочем, в руинах: „Город, растянувшийся вдоль Волги на сорок километров, будет единым организмом. Большие зеленые парки соединят отдельные районы города. На парадных площадях и магистралях вырастут красивые общественные здания, они будут монументальны. А вокруг, в зелени садов раскинутся невысокие, уютные жилые дома с балконами и верандами. Во всей красе внизу будет видна Волга. В центре города протянется по холмам широчайшая лента проспекта имени Сталина. От площади Павших бойцов спустится вниз аллея Героев – озелененная, украшенная изображениями прославленных участников сталинградского сражения. Широкими террасами дойдет она до Волги, до прибрежного бульвара, одетого в зелень и гранит. Там, на берегу, на площади Славы, будет воздвигнут грандиозный монумент в честь сталинградской победы, в честь того, чье славное имя носит этот великий город – город-победитель“ (268).

Путешествие по „карте Родины“ завершается в Москве. Перед нашим „внутренним взором“ уже прошли города „новые“ и „древние“. И вот Москва оказывается не только в пространственном, но и во времени Центре. Последняя глава называется: „Древняя и юная“ – Москва помещается на перекресток времени. Но она – и пространственный центр Страны: „Здесь – средоточие всего лучшего, чем живет передовое человечество.

Здесь – свет и мудрость нашей эпохи. Здесь – верховная власть и правительство советской державы. Здесь – Сталин“ (281). Это „здесь“, однако, слишком широко, поэтому самое московское пространство также центрируется. Эта внутренняя центровка города завершается в пространстве власти. Его широкий радиус – Китай-город, ставший правительственным центром. Здесь – министерства и управления. „Со всех концов Союза стекаются сюда хозяйственные сводки и отчеты, во все концы страны расходятся отсюда директивы, указания, запросы. Китай-город, район центральных государственных и партийных учреждений, насыщен интересами страны, живет с ней одной жизнью. Пали китайгородские стены и исчезновением своим как бы подчеркнули: сегодняшний Китай-город не отгораживается от народа, а сливается с ним и ему служит“ (284). Но движение стремится к точке – к Кремлю. Здесь завершается книга: „Возвышается над Красной площадью древний Кремль – сердце страны и сердце Москвы... Здесь – политический центр нашей славной Родины, штаб Советской страны... Лучи, несущие народу счастье, расходятся отсюда. Здесь, в Кремле, живет и трудится Сталин – вождь, друг, учитель, великий зодчий коммунизма“ (286). Сталинский кабинет – с реальными картами, – как воронка, всасывает в себя советскую страну. Она погружается в пространство власти, как в черную дыру.

„Здесь“ и „теперь“ оказывается „там“ и „тогда“. Мы не можем войти в Кремль, зная о нем только то, что он „древний“. Но заложенная в главной книге Михайлова модель советского космоса особенно явственно проявляет свою новизну на фоне других его книг. Книга *Просторы и богатства нашей родины*, вышедшая в 1946 году, за год до книги *Над картой родины*, несет практически ту же информацию о „шестой части мира“ – о ее территории и населении, равнинах и горах, морях, реках и озерах, климате и „сокровищах земли“. В ней та же модель описания: „Великая индустриальная держава“, „Страна передового сельского хозяйства“, „Пути сообщения“, „Шестнадцать республик“ (таковы названия глав). Но это еще слишком география – в ней нет объединяющей внутренней стратегии, превращающей географию в идеологически полноценный текст – в историю и политэкономии. Простая дескрипция так же бесполезна как и обычное смотрение на карту – она не превращает визуальный образ в вербальный. Но, раз перейдя за границу географии, автор уже не смог вернуться. Перед нами раскрывается эстетически преображенный соцреализмом мир.

После книги *Над картой родины* Михайлов издает книгу *Твоя родина* (1950), где географии не стало вовсе. Затем, в 1957 году – книгу *Иду по меридиану* (1957), состоящую из очерков о путешествии „вдогонку за перелетными птицами“. Книга, распадаясь на отдельные описания, свиде-

тельствовала о „кризисе жанра“. Отход от описания родной страны произошел спустя несколько лет, когда одна за другой вышли книги очерков об Америке (*Американцы*, 1958) и повесть о Японии (*Японцы*, 1964). В том же 1964 году наш автор возвращается в родное пространство – одна за другой выходят брошюры о советских республиках и появляется книга *Моя Россия* (часть первая „Российские просторы“).

Книга эта представляет особый интерес с точки зрения заключенного в ней конфликта между географией и историей. К 1964 году острота этого конфликта заметно угасла: книга намного более „географична“, но нарративность требует истории и автор идет на компромисс: он строит свою географию не на спатальной, а на темпоральной оси. Основной вопрос здесь: как двигаться (и, соответственно, описывать страну). Естественным оказалось движение с востока на запад – вслед за солнцем. Рассказ разворачивается в пространстве, но одновременно – во времени. Рассказ идет по стране вместе с днем и, подобно солнцу, освещает ее: глава первая „День начинается здесь“ – Чукотка, Камчатка, Командорские острова.; глава вторая „Острова пробудились“ – Курилы, Сахалин.; глава третья – „Утро Приморья“ – Владивосток, Амур, Индигирка.; глава четвертая „В тайге ночь угасла“ – Якутия, Забайкалье, Читинская область.; пятая глава – „Ранний час на Байкале“ – Сибирь, Бурятия, Байкал, Иркутск, Ангара.; шестая глава – „Новый день идет по Сибири“ – Енисей, Тува, Хакасия, Красноярск, Кузбасс, Алтай, Новосибирск.; глава седьмая „Рассвело на Иртыше“ – Омск, Тюмень, тундра, Арктика.; восьмая глава „Урал озаренный“ – Удмуртия, Свердловск, Челябинск, Уфа, Магнитогорск, Оренбургье.; глава девятая „Светло на волжском меридиане“ – рассказ о повороте северных рек, Коми, Двина, Архангельск, Вологда, Рыбинск, Ярославль, Горький, Татария, Чувашия, Куйбышев, Саратов, Волгоград, Астрахань, Каспий... Десятая глава „Время московское“ распадается на три части: „К Москве с севера“ (Мурманск, Поморье, Карелия, Беломорско-балтийский канал, Ленинград), „К Москве с запада“ (Балтика, Новгород, Псков), „К Москве с юга“ (Северный Кавказ, Ставрополье, Кубань, Черноземье, Нечерноземье).

Страна как будто прикована к Москве. Столица не то что „венчает“ движение в пространстве – она является его целью. Где-то день только „начинается“, где-то природа еще только „пробудилась“, где-то „угасла ночь“, „ранний час“, „рассвело“, о чем-то (о всей европейской части страны) и известно-то что там „время московское“, и только над Москвой – „лучи горят“. Последняя, двенадцатая глава – „Лучи горят над Москвой“ – интересна и еще в одном отношении: она вновь центрирует самую столицу: Окрестности – Новая Москва – канал Москва-Волга – По улице Горького к центру – Манежная площадь – площадь Свердлова – Китай-город – Крас-

ная площадь – Вокруг Кремля – По Кремлю – Большой Кремлевский дворец – Дворец съездов. Перед нами не просто определенный маршрут (как в книге *Над картой родины*), завершающий движение на подступах к Кремлю. Стоит обратить внимание на то, что в новой книге мы совершили довольно обстоятельную экскурсию по Кремлю (что было невозможно во времена, когда создавалась книга *Над картой родины*: Кремль был открыт только во времена Хрущева), остановившись в нововыстроенном Дворце съездов. Пространство власти приоткрылось, оно стало более доступным, но осталось таким же центростремительным. И все-таки у пространства появилось не только историческое и политико-экономическое измерение – оно стало если не самоценным, то, по крайней мере, самостоятельно значимым (при том что самое движение в нем сохранило прежнюю центростремительную тенденцию). Финальный аккорд книги: „Ярко сияет над страной, над Москвой восходящее солнце“. ³⁴ Итак, день настал. Движение к столице как будто раскрывает страну, выхватывая ее по часовым поясам у ночи. Движение разворачивается как рассказ – страна вырывается из немоты. Она узнает себя в столице.

Преодоление векторности произошло в последней книге Михайлова *По стопам исполина* (1967), где и зафиксирована децентрализация советских топосов. Огромная эта книга (50 печатных листов) состоит из двух разделов: „С Запада на Восток“ („На западных рубежах“, „В центре России“, „По земле Украины и Молдавии“, „По долинам Кавказа“, „Вдоль Уральских гор“, „На просторах Казахстана“, „Через Сибирь“, „На берегах Тихого океана“) и „С Севера на Юг“ („На Севере“, „По Прибалтике“, „Вниз по Волге“, „По пустыням, оазисам и горам Средней Азии“). Что осталось от прежнего описания? Бесстрастный компас. Оказалось, страну описывать больше не надо – любое описание стало избыточным. Оказалось, что география – это все-таки визуальный образ.

И все же, определенно, эти большие и толстые книги, описывающие советское пространство вместо карт, и являются наиболее адекватной презентацией советских топосов. Их жанр – „научно-популярная география“. Как полагал писатель-географ Михайлов, „мысль просвечивает карту, и перед нашим внутренним взором за цветной ее плоскостью в трехмерном пространстве ложатся равнины, громоздятся хребты...“ Здесь же – все наоборот: „мысль просвечивает“ слова. Много слов. Настолько много, что за их „плоскостью“ начинает мерещиться карта. Просто – надо уметь описывать, надо превращать пространство во время, географию – в историю, визуальный ряд – в вербальный. Так рождается, по Михайлову, „четвертое измерение“.

³⁴ Н. Михайлов, *Моя Россия. Книга первая: Российские просторы*, М.: Сов. Россия, 1964, 420.

Действительно, описываемый здесь мир утопии – идеально гармонический, эстетически совершенный и очень красивый – требует для своей презентации определенных механизмов описания. Он не может быть представлен иначе как определенными эстетическими „заменителями“ – архитектурными проектами, кинофильмами, романами, „парками культуры и отдыха“, почтовыми открытками и марками, разного рода заменяющими описаниями. Описание же тяготеет к рассказу; рассказ – к истории; история – к мифу. Мифология пространства всем хороша – она только не пригодна для жизни. Можно, конечно, сказать, что в этом мире никто и не жил. Это так же верно, как и то, что именно в нем и жили.